

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет,

Да будут всем стихи мои нужны,
Да будут с ними семь небес дружны,

Да будет их друзьями полон свет,
А покупателями — семь планет.

СТЕНА ИСКАНДАРА

Перевод В. Державина

Первые главы содержат восхваление аллаха, пророка Мухаммеда, посвящение и наставление сыну султана Хусейна Байкары, наследнику хорасанского престола Баднуззаману

В следующих главах Навои говорит о своем душевном состоянии после завершения четырех книг «Пятерицы». Он утомлен, но полон решимости приступить к написанию пятого дастана своей Хамсы

Навои с уважением вспоминает своих предшественников, создавших пятерицы, Низами, Эмира Хосрова Дехлави и своего друга и учителя Джамии

Далее следует краткое изложение истории шахов Ирана — легендарных пишдадидов и кейанидов, ашканидов (исторических аршакидов) и сасанидов

Начало сказания об Искандаре, ведущее к нахождению истины. Открытие подлинной его истории, в которой запечатлено веление промысла

Противоречия в родословной Искандара вымышлены летописцами; исследователи, устраняя эти противоречия, узнают правду о его происхождении

Когда правитель Файлакус ушел в ворота вечности, престол его брэнного владения занял Искандар

Тот, кто бывшее кистью оживил,
Завесу над картиной приоткрыл:

Четыре царских рода власть несли
В пределах обитаемой земли.^[107]

А длилось время их, как помнит свет,
Четыре тысячи и триста лет;

И тридцать шесть еще последних лет
И десять месяцев еще вослед.

То были открыватели цари,
Мирозавоеватели цари.

И мир тысячелетний, и покой
Вкусил при тех владыках род людской.

Но, призванные благо утвердить,
Цари не все успели совершить.

В сей малый срок, что дан живущим в дар,
Взращен был добрым шахом Искандар.

Коль перечислим все его дела,
То всякий скажет: «Слава и хвала!»

Теперь я суть вступленья объясню,
Происхожденья тайну проясню.

Четыре царских рода было. Он
После второй династии рожден.

Когда покинул мир последний кей,
Бахман Дара вселенной правил всей.^[108]

Дара гордился, что цари земли
Ему покорно дань свою несли.

Тогда в Юнани правил Файлакус,
Его царем признали Рум и Рус.^[109]

Все свойства были царственными в нем;
Он — ангел был в обличии земном.

Чтоб знать его историю, возьми
Прочти царя поэтов Низами.

В сказанье, что как вечный свет горит,^[110]
Он так о Файлакусе говорит:

Хоть в мире счастлив был его удел,
Наследника он — сына — не имел.

Тоской по сыну был он удручен,
Скажи: опоры в жизни был лишен.

И вот однажды, поздненью порой,
С охоты возвращался он домой.

И увидал в пустыне властелин
Столпы и стены сумрачных руин.

Врата и свод обрушились давно,
Как сердце, что тоской сокрушено.

В тени руин заснул он, утомлен,
И был дыханьем утра пробужден.

Услышав стон, воспрянул он, глядит:
Пред ним, мертва, роженица лежит.

И с ней — новорожденное дитя,
На гибель обреченное дитя.

Ее мучений день конца достиг...
Был жалобен и слаб младенца крик.

Как будто понимал малютка сын,
Что вот он — беззащитен и один.

А Файлакус? Живое сердце в нем
От сострадания вспыхнуло огнем.

Он кликнул слуг, велел дитя хранить,
А мать умершую похоронить.

Найденыша того забрал с собой
И стал его счастливою судьбой.

Он Искандаром отрока назвал
И трон ему, как сыну, завещал.

Другой хранитель памяти веков^[111]
Так открывает корни двух родов.

Даре румиец дочь — дитя свое —
Вручил, как деревцо из мумиё.

Но дело к недостойному концу
Пришло: Дара вернул ее отцу.

Лишь ночь царевна с мужем провела,
И некий дар бесценный обрела.

И был жемчужницею перл рожден,
И мир был этим перлом изумлен.

Среди преданий, что хранит Иран,
Одно открыл неведомый дихкан,

Что будто Искандаров было два.
Один из них — как говорит молва —

Разбил Дару, другой же пребывал
Всю жизнь в походах и возвысил вал.

Теперь поведал нам иной рассказ
Царь мудрецов, живущий среди нас,

Хранитель истины, чье слово — свет,
Наставник наш, храни его Изед,

Об Искандаре, о его делах
Джами пропел нам в сладостных стихах.

Пошел я той же трудною стезей;
И летописи были предо мной.

Но я, от малых знаний был немым,
Придя к Джами, советовался с ним.

«Двух Искандаров не было! — сказал
Учитель мне и свитки показал. —

Походы все и подвиги его —
Деянья человека одного!»

Так говорил правдивый Низами,
Так подтвердил и в наши дни Джами.

Открыт источник истины один,
Что Искандар был Файлакусов сын.

Исследуя, я правду проверял,
В исследование правду отыскал.

Так говорил истории знаток,
Что изучал сей двойственный чертог:

Обретший Искандара Файлакус
Его и царства утвердил союз.

Он слуг и войско щедро одарил,
Врата дворца для празднеств отворил.

Блюдя порядок царский и завет,
Дал оку ясновидящему свет. [\[112\]](#)

Забываясь о наследнике своем,
Он ни на час не забывал о нем.

Он воспитанье истиной питал,
Достойной пищей разум воспитал.

Не только в царской роскоши, в тиши
Его растил он, в глубине души.

Так перл таится в сумраке глубин,
Так в руднике скрывается рубин.

Достойными он сына окружил
И путь ученья перед ним открыл.

Накумохис приставлен был к нему, [\[113\]](#)
Наставником пытливому уму.

Тот, что как небо в знанье был велик
И всех явлений мира связь постиг.

Ты скажешь — видел острый взгляд его
Зерно и корень сущего всего.

Главой ученых был он в пору ту:
Ему был сыном славный Арасту.

После кончины своего отца
Стал Арасту светильником дворца.

Был он велик. Минули сотни лет —
Ему подобных не было и нет.

И мудрый Файлакус избрал его
Учителем для сына своего.

Счел порученье Арасту за честь;
Была от звезд ему благая весть:

Когда глаза он к небу обратил,
Читая предсказания светил,

Все, что добро и зло сулить могло б,
Предугадав, составил гороскоп.

Ища решенья в знаках звезд ночных,
Исчислил Арасту значение их.

«Родился, — прочитал он в небесах, —
Счастливым, мудрый, справедливый шах.

Весь мир он обитаемый пройдет
И славою наполнит небосвод.

Владыки примут власть его и суд,
Ярмо его приказов понесут.

Он мир великодушьем осенит,
Ему, как бубен, солнце зазвенит.

Движение светил предскажет он,
Заветный узел тайн развяжет он.

Познание в кровь и плоть его войдет.
Он целый мир сокровищ обретет.

Законы звезд он заключит в число
И по рукам земное свяжет зло.

Пройдет он по неведомым морям,
Проложит путь к безвестным островам.

Судил всевышний на заре времен —
Все царства мира завоюет он».

Так, проведя последнюю черту,
Свой гороскоп закончил Арасту.

Скрижаль наук он стройно начертил
И к обученью шаха приступил.

Плоды столетних поисков и дум
Впивал, как влагу, отроческий ум.

Когда он грань науки познавал,
Другую грань догадкой раскрывал.

Был в жажде знания истинно велик
От бога одаренный ученик.

Весь век учась, он прожил на земле,
Был сведущим во всяком ремесле.

Он также, с первых дней своей весны,
Стал привыкать к ведению войны.

Он знал, что милость царская войскам —
Разгром и поражение врагам.

И в конном отличался он бою,
И в пешем закалялся он строю.

Скажи ль — стрелой пронзал он сеть кольчуг?

Нет, мыслью разрывал он сеть кольчуг.

Копьем он ратоборцам нес беду;
Метнув копье, он поражал звезду.

Своим мечом он разрубал гранит.
Где меч его? Земля его хранит.

Метнув аркан на крепостной отвес,
Достиг бы он и крепости небес.

Когда свои войска он в бой пускал,
В долину рушились громады скал.

Против дракона обнажая меч,
Дракона мог он надвое рассечь.

Он быстрой мыслью, пуще ратных сил,
Как молнией внезапною, разил.

Стал наконец державный ученик
В искусстве ратном подлинно велик.

А Файлакус в ту пору умирал;
И он проститься с сыном пожелал.

Могучий стан годами был согбен,
В глазах его земная слава — тлен.

И устремился Искандар к нему —
К отцу и властелину своему.

Прощения у бога попросил
Шах Файлакус и сыну власть вручил;

Державу завещал его руке
И опочил на гробовой доске.

Две было ветви древа: из одной —
Гроб сделан, трон вселенной — из другой.

На первой ветви птица песнь поет,
А на другой гнездо другая вьет.

Отца оплакивая своего,
Готов был шах отречься от всего.

Но после, по внушенью мудреца,
Он вспомнил завещание отца:

«Врага в свои владенья не пускай.
Мой прах на поруганье не предай!

Пусть именем твоим, твоей рукой
Мой будет вечный огражден покой!

Я вырастил тебя в моем саду
Затем, чтобы, когда навек уйду,

Меня ты был достоин заменить

И нашу славу в мире сохранить».

Шах к завещанью не остался глух,
Дабы отцовский радовался дух

И сор не падал в чистый водоем,
Веленье долга пробудилось в нем.

Обряд поминок справив по отцу,
Он возвратился к власти и венцу.

К престолу сонмы подданных сошлись.
Напевы саза стройно полились.

* * *

О кравчий, грудь слезами ороси,
Прощальную мне чашу поднеси.

Чтобы печаль вином я с сердца смыл,
Чтоб слезы по отце моем не лил.

Приди, певец, звенящий чанг настрой.
И заиграй, и песнь веселья спой!

Здесь было царство слова мне дано,
И во дворце хвалы я пил вино.

О Навои, не поддавайся лжи
И блеску мира! С разумом дружи!

Неверность мира — всюду и во всем.
Быть в мире лучше нищим, чем царем.

Дервиш свободный выше здесь, чем шах,
Чей дух томится в путах и сетях.

Слово о высоком парении царственного благородства, тень крыльев которого образует гнездо на темной горе Каф сказочной птицы Солнца, и в похвалу величия духа, которое укрывает крыльями серебряное яйцо птицы Солнца; и, если тень этих крыльев падет на несчастного, царь будет нищим перед ним, если ж шах лишен этой тени, то и нищий перед ним выглядит шахом

Рассказ об Искандаре и падишахе, который желал быть нищим, или, вернее, о нищем, достойном быть падишахом; Искандар вызволил нищего из ямы бедственности и хотел посадить на трон; тот отказался от короны царства и предпочел корону отречения

НАЗИДАНИЕ

В этой главе Искандар спрашивает Арасту, как быстрее и как лучше дойти до цели; Арасту указывает путь к совершенству и советует идти налегке

О том, как Искандар, отрекшись от короны владычества, удалился от престола власти и как народ Рума, склонив перед ним главы, высоко поднял подножие трона и возвеличил ценность венца; и зеркало его справедливости, солнцем ослепив летучих мышей ночи гнета, осветило мир, и жестокие люди вместе с мраком бежали с лица земли

Рассказ о деяниях Искандара, с сокращением подробностей и подробное истолкование этих сокращений. Посланник Дары приходит к Искандару за золотым яйцом и получает ответ в словах острых, как стальные копыя. Молния сияния острия сжигает хирман терпения. Дары он получает из рук Искандара, Искандар этой рукой отбрасывает меч, а копыя колет птиц.

дары, он посылает кунжут, мяч и клюку. Искандар этой клюкой отбивает мяч, а кунжут клюют птицы

Так проницательный поведал нам
Историк, счет ведущий временам:

В те дни, как Искандар, заняв престол,
Строй справедливый у себя завел,

Ему внушил его наставник-пир
Мысль — обойти весь необъятный мир.

И всюду справедливость утвердить,
Народы от ярма освободить.

Мысль эта в царской памяти жила,
Ветвилась, мощным древом возросла,

Но влек его не славы бранной шум,
Был мудростью глубок пылливый ум.

Как солнце, поднимаясь издали,
Одно блистает над лицом земли,

Так Искандар под сводом древним сим,
Ни с кем в делах великих несравним.

Ему сопутствовали чудеса...
Пред ним смолкали гордых голоса.

Коль все его деянья описать,
Не хватит жизни — книгу прочитать.

Ведь важен каждый день его и час, —
Начав писать, нельзя прервать рассказ.

Поэтому я много упушу
И повесть нарочито сокращу.

Коль завершу сказание мое,
Исполнится желание мое.

Я из забвенья повесть подыму,
Столь много говорящую уму.

Немало есть значительного в ней,
Но больше удивительного в ней.

Отсеяв ложь, рожденную в веках,
Скажу я правду в искренних стихах.

Он — покровитель государства был
И в Руме утвердитель царства был.

Освободил народ свой от оков,
Страну свою очистил от врагов.

И, убедясь, что власть его крепка,
Он за предел страны повел войска.

Магрибским дивам он нанес удар,
Завоевал далекий Зангибар.

Большая распря у него была
С Дарой — оплотом зависти и зла.

Не медля, как опору бытия,
Завоевал он франкские края, [\[114\]](#)

И, с франкским миром заключив союз,
Он покорил далекий Андалуз.

Идя обратно, Миср он захватил,
И небосвод — царя благословил.

Он там, с войсками ставши на привал,
Искандарию-город основал.

Потом, суди его источник сил,
Зардушговы огни он погасил. [\[115\]](#)

Потом в Иран пошел, в иракский край,
Чтоб радостно запел иракский най.

Когда иракской он достиг земли,
В Ираке люди радость обрели.

Потом он взял Халеб и землю Шам,
Принес благополучье беднякам.

Когда Йемену он явил свой лик,
Там камни превратились в сердолик.

Потом пред Меккой он предстал святой
И в Мекке прах поцеловал святой.

Потом к морским пошел он берегам,
Кладя основу славным городам.

Незавоеван оставался Фарс.
И что ж — ему без боя сдался Фарс.

И знаменiem счастья озарен,
В поход на Север устремился он.

И цепи гор пустынных увидал...
Вернулся и Хорезм завоевал,

Даря, как солнце, милостью своей
Простор кипчакских пастбищ и степей.

И он в трудах походных не ослаб,
Прошел через Саксин, через Саклаб.

Прошел он стороною Ос и Рус [\[116\]](#)
И с ними дружбы заключил союз.

И гурджей и чаркасов посетил,
И гурджей и чаркасов покорил.

От Севера, где древних рек исток,
Он с войском устремился на Восток.

Колючки истребил в стране Фархар,
Отраду подарил стране Фархар.

В Мавераннахр он прилетел, как дым,
И Самарканд открыл врата пред ним.

Как ветер западный, страну Чигиль
Овеял он, — так нам вещает быль.

И, в Чин прибыв, он там разбил свой стан.
И сам пришел служить ему хакан.

И с Хиндом у него была война,
Пред ним склонилась Кейдова страна,

Он изваянья идолов низверг,
На древних алтарях огонь померк. [\[117\]](#)

И к правой вере — всей вселенной круг
Привел он, указавши путь — на юг.

И через Синд, пройдя к Кечу Мукран,
Без остановки двинулся в Кирман.

Воздвиг он в Хорасане, говорят,
Прекраснейший из городов — Герат.

Пройдя пустынный и безлюдный край,
Построил Рей, как первозданный рай.

И плод созрел в саду великих дум...
Мир покорив, он воротился в Рум.

Но — в радостях, в пирах — не отыскал
Отрады той, что сердцем он алкал.

И вновь походом обошел весь мир,
Повсюду утвердив добро и мир.

Защитой от яджуджей им стена [\[118\]](#)
Была железная возведена.

Скажи: он обошел не мир земной,
А девять сводов неба над землей.

На всех дорогах, для любой страны,
Ягач он сделал мерою длины.

И знаки расстояний на путях
Велел установить великий шах.

А на местах ночлегов каждый край
Был должен ставить караван-сарай.

Благоустривал без шума он
Строй жизни мира, к благу устремлен.

И в море, словно кит, решил уплыть;
И корабли смолить велел, снастить.

И долго плавал, как гласит молва,
И открывал средь моря острова.

Есть острова в неведомых морях,
Которые благословил аллах.

На них высаживаясь, Искандар
Брал их себе, как лучший божий дар.

Так он до крайних островов дошел,
Но уголенья сердца не нашел.

Великим беспокойством обуян —
В неведомый поплыл он Океан.

Под кораблем — пучины вечных вод,
Над кораблем — бескрайный небосвод.

Но, дерзкое задумав, Искандар
С собою вез большой стеклянный шар.

Он влез в него; и крышку засмолить
Велел, и шар в пучину опустить.

Канат надежный — в десять верст длиной
Разматывался черною змеей;

Он к шару прикреплен одним концом,
К навою на борту — другим концом.

Шах быстро погружался в глубину,
Водоворотом увлечен ко дну.

Он чудеса увидел бездн морских...
Нет слов у нас, чтоб рассказать о них.

И вытащен из глубины с трудом,
Очнулся он на корабле своем.

Противоречья, должен я признать,
В рассказе этом можно отыскать.

Искатель возвратился в мир земной
И устремился за живой водой.

Свет жизни он во тьме пошел искать,
И не нашел, и обратился вспять.

Истока вечной жизни не нашел,
С устами пересохшими ушел.^{[1191](#)}

Вел Хызр его по суше, а Ильяс
В морях — вставал к кормилу в грозный час.

Свершить же не под силу никому
Все, что до нас свершить пришлось ему.

Дал небосвод ему такую власть,
Что целый мир пред ним был должен пасть.

Коль все, что я о нем храню в уме,
Запечатлеть — возникнет «Шах-наме».^[120]

Итак, все, что я знаю, записать
Решил я кратко в малую тетрадь.

В любом двестишии заключена
Невоплощенной песни глубина.

Все было так; я сделал все, что мог;
Но если мне теперь поможет бог,

Всю правду ведая в делах земных,
Я расскажу о ней в стихах моих.

Тогда бессудный царствовал Дара,
Чинивший зло, не делавший добра.

Отец же Искандара Файлакус
С Дарой неравный заключил союз.

Дара тогда владыкой мира был,
Народ румийский дань ему платил.

Ведь он — потомок Кейев был прямой,
И в мире власти не было иной.

Установлён закон Лухраспом был,
Строй войсковой введен Гушгаспом был,

Но всех порядков Кейевых не знал
Дара, что от Бахмана власть принял.

Он — царь царей, столпы его основ —
Великий Кей-Кубад и Кей-Хосров.^[121]

Объяты страхом, все цари земли
Ему свои короны поднесли.

Харадж платили и везли дары
Все, павшие к подножию Дары.

И Файлакус Даре был подчинен;
Харадж платил беспрекословно он.

Харадж, где — угнетенного слеза,
Был в десять сотен золотых байза.

Когда ж навеки Файлакус ушел,
Шах Искандар наследовал престол.

Наследовал он угнетенья строй
И бремя униженья пред Дарой.

Сначала, утвердив закон и трон,
На шаха Занга устремился он.

Как молния, он свой нанес удар,
И почернел, как уголь, Зангибар.

Хоть были прежде лица их черны
Как уголь, зинджи были сожжены.

На поле битв в долинах той земли
Как будто бы тюльпаны расцвели.

Так воевал три года он с тех пор,
Соседям жадным грозный дав отпор.

Поверг врагов, завистников своих,
Забрал богатство их и земли их.

Удвоил и утроил он предел
Земель, ему доставшихся в удел.

Людей учил он воевать с врагом,
Чтоб каждый был среди онагров львом.

Его величье морем разлилось.
К зениту знамя Рума поднялось.

Меч — молния в руке, как ветер — конь,
Лицо его — сжигающий огонь.

И он решил весь мир завоевать,
О меньшем не хотел и помышлять.

Он видел: мир земной не так велик
И равных нет ему среди владык.

Так за три года набрался он сил,
Владенья Рума удесятерил.

За все три года он не вспоминал
И даже мысли в сердце не держал,

Что он с Дарою должен в спор вступить
Или харадж и дань ему платить.

Ничтожным мнит подобного себе,
Кто вознесен благодаря судьбе.

Румийца у своих не видя ног, ^[122]
Дара смириться и простить не мог.

Румиец должен был перед Дарой
Склониться или выйти с ним на бой.

Два льва, два равных силою своей
Сошлись; но — кто моложе, тот смелей.

Так не страшись, когда вражда идет, —
Враг тоже полон страха и забот.

Когда враждой два змея возгорят,
Какая разница — чей больше клад?

Акула — как ни велика она —
Киту, владыке моря, не страшна.

Так Искандар в те дни беспечен был

И небеса за все благодарил.

Но от Дары явился вдруг гонец,
С поклонами вошел он во дворец.

И пожелал перед царем предстать,
Дабы наказ Дары пересказать.

Увидев шаха и его престол,
Подножье трона бородой подмел.

Почтительно он восхвалил царя,
С достоинством благословил царя.

Честь Искандар явить хотел гонцу,
Перед собой он сесть велел гонцу.

Посол смиренно сел у царских ног
И от смущенья говорить не мог.

Фарр Искандара ослепил его
И языка и чувств лишил его.

Тут понял Искандар: посол смущен,
Молчит, священным блеском утрашен,

Со свитою он разговор завел,
Чтоб понемногу тот в себя пришел.

Когда смятенье гостя улеглось,
Ему он задал царственный вопрос:

«По-доброму ли шах Дара здоров,
Счастливейший, как древний Кей-Хосров?»

Ответил гость и прах поцеловал,
И вновь владыка Рума вопрошал:

«Коль мир у вас и счастье и покой,
С какою вестью послан ты Дарой?»

И, вновь пред ним поцеловавши прах,
Посол ответил: «О великий шах,

Я пред величием твоим дрожу,
Но раз ты повелел — я все скажу.

Отец твой — венценосный Файлакус
С Дарой когда-то заключил союз.

И десять сотен слитков золотых
Платил Даре, по договору их.

Прошло три года, как отец твой шах
В небесных наслаждается садах.

Но Рум не шлет хараджа третий год;
Долг этот, дружбы двух царей оплот,

В сокровищницы к нам не поступил...

Иль, может, вовсе не отправлен был.

И цель прихода моего одна —
Долг этот получить с тебя сполна.

Отдашь — я увезу. А если нет —
Скажи. Я передам Даре ответ».

Желчь Искандару горло обожгла,
Когда услышал он слова посла.

Лик приобрел внезапно цвет огня,
Что может все спалить, воспламеня.

Но молча Искандар чело склонил,
На пламя воду мудрости излил.

Перед величием его ума
Орд исступленья отступила тьма.

И, светлый лик подняв, уста открыл,
Дорогу перлам речи отворил.

Сказал: «Привет мой передай Даре,
Потом ответ мой передай Даре:

В юдоли сей ничья не вечна власть,
Удел величья — пасть, истлеть, пропасть.

Не мучься — ради завтрашнего дня,
Стяжаньем душу живу бременя!

Пусть ты ни с кем в богатстве не сравним,
Но ты богатством утнетен своим.

Где польза от богатства твоего?
Зачем без пользы собирать его.

Когда от дела происходит вред,
Такое дело делать смысла нет.

И вот: тебе — нет пользы, нам — печаль.
Смотри — себя и нас не опечаль.

Забудь наш долг! Ведь птица унеслась,
Что золотыми слитками неслась!

Коль примешь ты наш дружеский совет,
То и вражды у нас с тобою нет.

Но коль отвергнешь ты мои слова,
То мы отвергнем и твои слова.

Без пользы для себя хлопчешь ты!
Подумай, если мира хочешь ты:

Ведь мудростью глубокой обладать
Нам нужно, чтоб соперника познать.

Ты слабых подавлял и покорял.
Таких, как я, ты пнежде не встречал.

Харадж и дань с полмира ты берешь.
Взамен — короны старые даешь.

Харадж — источник бедствий и невзгод
Тем, кто берет, и тем, кто отдает.

Без счета море жемчугов таит,
Подвластен ли тебе свободный кит?

Хоть жемчуга и много у него,
Как ты харадж потребуешь с него?

Чрезмерные желания — тщета.
Не стань и ты добычею кита!

Источник счастья — мудрость, свет ума;
Но в силе алчность там, где нет ума.

Нам непосильна дань минувших лет;
Потребуешь — мы сами скажем: нет.

А от судьбы — пусть ты могуч, богат —
Могущество и власть не защитят.

И пусть бесчисленны твои войска,
Их опрокинет сильная рука.

Пусть мы тебя слабее во сто раз,
То, что нас ждет, — утаено от нас.

Когда страна богата и сильна,
То не нужна такой стране война!»

Речь Искандар закончил. И тогда
Притих гонец персидский, как вода.

В обратный путь ни жив ни мертв — пошел
Из Рума незадачливый посол.

И прибыл восвояси наконец,
И все Даре пересказал гонец.

Когда Дара великий услышал
Слова гонца, он так ему сказал:

«Коль впрямь Румиец это говорил,
То, значит, бог ума его лишил.

Иль, может быть, в ту пору был он пьян
И от вина безумьем обуян?

Иль он еще дитя, не зрел умом
И управлять не может языком?»

Так он — носитель царского венца —
Спросил. И услышал ответ гонца:

«За ним следил я зорко, не шутя:
Не пьян он, не безумен, не дитя.

Нет, разумом он светел и здоров,
И попусту он не бросает слов!

Благоразумен, сведущ и учен,
Он мудростью глубокой наделен!

Сильно иль слабо воинство его, —
В его словах — достоинство его.

В величии — хоть обойди весь свет —
Ему подобных не было и нет!

Присматривался долго я к нему
И удивлялся дивному уму».

Так был взъярен Дара ответом сим,
Что смерть сама не сладила бы с ним.

От гнева, как от грома, он оглох,
И в небесах пошел переполох.

И охватил полмира лютый страх,
Когда ворота гнева отпер шах.

В оковы он посла забить велел,
В колодец черный посадить велел.

Сказал: «Румиец — раб мой, сын рабов,
Что ползали у ног моих отцов.

Он — раб, и предки подлые его
Рабами были предка моего!

Кто он такой, чтоб милостью моей
Возвесть его в достоинство царей?

Чтобы слова его словами счесть,
Что оскорбляют нашу власть и честь?

Ни страха предо мной не стало в нем
И ни стыда перед людским судом!..

Но мы такой отпор дадим ему,
Так я его ничтожность покажу,

Что этот необузданный дикарь
Опомнится, раскается, как встарь!»

И царь Дара гонца найти велел,
Который бы находчив был и смел.

И, отправляя, дал ему наказ.
В словах, как острый серп и как алмаз,

Човган и крепкий мяч послу вручив,
В две эти вещи тонкий смысл вложив.

И дал с кунжутным семенем мешок, —
Свою угрозу в притчу он облек.

Посла отправив, глаз он не спускал
С дороги царской... Все ответа ждал.

Посол примчался в Рум, клубясь, как дым,
Язык свой сделал бедствием своим.

Явились к шаху стражи во дворец,
Сказали: «От Дары опять гонец!»

Стал пред царем гонец, как был — в пыли.
Как перед ликом солнца — ком земли.

Гонец увидел шаха — фарр его,
И речь застряла в горле у него.

Пал пред величием Искандара он,
Ослабнув телом, страхом сокрушен,

Уста к подножью трона приложил,
Молитву по обряду сотворил.

Царь молвил: «Сядь, о деле расскажи,
Цель твоего прибытия изложи!»

Сказал носитель тайны, пав во прах:
«Сто раз благослови тебя аллах!

Нет сил мне говорить перед тобой...
Но обо всем, что велено Дарой,

Коль ты позволишь, речь я поведу,
А скажешь — «нет», смиренно прочь уйду».

Посланец Искандару дал понять,
Что он о многом должен толковать.

Сказал: «Дара, по милости своей,
Взывает дань со всех земных царей.

Берет харадж, по праву древних лет,
Хоть в том у нас нужды особой нет.

Но шахи, что зависимы от нас,
Что исполняют наш любой приказ,

Харадж не забывают в срок платить,
Чтоб о своем покорстве заявить.

Отец твой нам платил, пока был жив,
Служил нам преданно — и был счастлив.

Но умер он... Ты сел на отчий трон.
Ты б должен делать то, что делал он.

Но не пошел ты по его пути,
Решил от послушанья отойти.

Три года с вас налог не поступал.
Но царь царей не требовал и ждал.

И наконец гонца решил послать,
Чье дело — недоимки собирать.

Но ты с гонцом столь дерзко говорил,
Что, зная, забыл — кто есть ты, чем ты был.

Но так как ты — годами молодой —
Не стучался о камень головой,

Мы поняли: невежество и тьма
Сильны в тебе от малого ума!

Великодушье мы должны явить
И, как ребенку, промах твой простить.

Но образумься и не прекословь;
Дань собери — к отправке приготовь;

И сам спеши — под царственную сень,
Поцеловать высокую ступень!

Чтоб не покрыться пятнами стыда,
Будь честен с нами, предан нам всегда.

Увидишь много милостей от нас...
Но коль отклонишь царственный приказ,

Тщеславьем и гордынею объят,
И дивы злобы дух твой победят, —

Поймем, что буйство младости твоей
Благоразумья твоего сильнее.

Привез я от великого Дары
Тебе, о царь, достойные дары!»

Так краснобай-гонец проговорил
И мяч с клюкой пред шахом положил.

Сказал: «Тебе, как юноше, под стать
Клюкою мячик по полю гонять!

Тебе приличны — мяч, клюка, майдан.
Но царство — это не игра в човган!

Коль вновь ты возразишь царю царей,
Стыдясь признаться в слабости своей,

Тебе возмездье ныне, а не месть,
И зол своих тебе тогда не счесть.

Ты знай, что больше войск в его руке,
Чем семени кунжутного в мешке!»

И принесли мешок посольский тут,
В котором был просеянный кунжут.

Проворно это семя на ковре
Гонец рассыпал, преданный Даре.

«Вот наше войско! Пусть сочит его

«Вот наш венец, пусть сочтут это,
Кто не боится шаха моего!»

Умолк посол и опустил глаза,
Все стихло, будто пронеслась гроза.

С улыбкой Искандар внимал ему,
Все высказать — не помешал ему.

Когда гонец все, что хотел, сказал —
Он так ему достойно отвечал:

«Дара — чистопородный кей и шах,
Быть нам примером призванный в веках.

Но я, тебе внимая, изумлен:
Как стал в своих словах несдержан он.

Владык вселенной, как презренный сброд,
Достойнейших — рабами он зовет!

Царей, которых во главе людей
Поставил бог по мудрости своей,

Дара решил рабами называть?
Но тут пути добра не отыскать.

Мы все — рабы Иездана, только бог
Меня своим рабом назвать бы мог.

Пускай твой шах подумал бы сперва
Пред тем, как эти вымолвить слова.

Себя с великим богом он сравнил,
Грех святотатства страшный совершил

Меня безумцем пьяным он зовет,
Дитятею, не знающим забот.

Меня он обвиняет в трех грехах,
А сам он богохульствует — твой шах!

Коль уважения меж нами нет —
И примирения меж нами нет!

Допустим, что я мал, а он велик, —
Но как несдержан у него язык!

Большая птица — аист; но и он
От ястреба уходит, уstraшен.

Твой царь Дара мне милость оказал,
Клюку и мяч в подарок мне прислал.

Я в этом вижу тайный смысл...
Ну что ж — В истолкованье он весьма хорош...

Мысль мудрецов, что землю обошла,
Нам говорит: земля, как мяч, кругла.

Дара свой смысл в мяче и клюшке скрыл,

А бог мне целый мир, как мяч, вручил.

Какая же загадка скрыта в нем
В човгане этом с загнутым концом?

Я понял: повелителем времен
Човган судьбы вселенной мне вручен,

Чтоб торопил я своего коня,
Чтоб мяч отбил у всех, вперед гоня.

Здесь — предсказанье, радостная весть...
Да, в этой вести — счастье мне и честь.

Не новую принес сегодня мне
Ты притчу о кунжутовом зерне.

Мол, как семян кунжута вам не счесть,
Так и числа моим войскам не счесть.

Пусть ваша рать несметна, как кунжут,
Ее мои цыплята поклуют!»

И на кунжут, что был среди палат
Рассыпан, он принести велел цыплят.

Все поклевали птицы; и зерном
Не поделились даже с муравьем.

Посол Дары глядел, молчал, бледнел;
Понуро пристыженный он сидел.

И молвил Искандар: «Встань! Подобру
Иди от нас. И извести Дару:

Что слышал здесь, ему ты донеси,
В дороге дальней слов не растряс!»

Согбенный от стыда ушел посол, —
Не на ногах — на голове ушел.

И распахнулись ворота беды...
Взметнулся до небес огонь вражды.

Нахлынул смуты неумный вал,
И мир из хижин бедственных бежал.

***

Дай, кравчий, мне вина! Пусть, опьянев,
Я зарычу, как разъяренный лев!

Во вражий стан ворвусь я пьяным львом
И в миг единый разочтусь с врагом.

Спой мне, певец, в рассветной полутьме

--

~

Напев воинственный из «Шах-наме».

Два шаха тронули струну вражды,
Так пусть же будут войны тверды.

О Навои! Покоя в мире нет,
Под горьким ветром смуты меркнет свет.

Коль хочешь мира в наши времена,
Не расставайся с чашею вина.

Круг наших бед земных неисчислим,
Но тот, кто пьет, — тот не подвержен им.

Осуждение вражды, которая является причиной разрушения достояния людей и которая грозит гибелью миру

О том, как от вражды двух правителей ударила молния бедствий в харман народов мира, а от союза двух друзей пролился дождь милости и потушил языки огня

НАЗИДАНИЕ

Искандар просит Арасту рассказать о причинах войн. Раздоры нежелательны, и войны губительны для всех народов, но случается ли, что война становится неизбежной? Арасту открывает свет в этой тьме и объясняет истинное начало вражды

Дара поражен словами Искандара, он собирает бесчисленное войско со всех концов света и идет войной против Искандара. Искандар, оказавшись лицом к лицу с этим морем несчастий и селом бедствий, готов повергнуть эту гору опасностей молнией сражения. Оба царя готовятся перевернуть небо вверх дном. Однако зная государства Дары повергнуто иной бурей, а знамя Искандара сверкает как солнце

Историк древней распри двух царей
Так завил кольца повести своей:

Когда посол Дары, что в Руме был,
Речь Искандара шаху изложил, —

Все передал, утайки не творя,
Что слышал от румийского царя, —

Дара, владыка необъятных стран,
Был исступленьем гнева обуян.

Стал, как огонь, от головы до ног
Он, пред которым трепетал Восток.

«Тьфу!» — обращаясь к небу, он кричал,
Упрек земле и небу обращал.

Как молния небес, метался он,
Как в лихорадке, содрогался он.

И чтобы гнев души своей унять,
Приказ он отдал — войско собирать.

И хлынули, как реки в океан,
Полки из ближних и далеких стран

полю из долины и долина стран.

Иран, Туран, Монголия, Китай,
Где мира обитаемого край,

Откуда солнце поутру встает, —
Все поголовно поднялись в поход.

И побережья западных морей
Послали всех мужчин царю царей.

И люди Африки, и тех земель,
Где вечный сумрак, стужа и метель, —

Все на могучий клич войны пришли,
И не прийти — ты скажешь — не могли.

Волнуясь, по долинам и горам,
Без края простираясь по степям,

Необозримо воинства текли, —
Цари, султаны, ханы их вели.

И так был шум идущих войск велик,
Что высшей сферы неба он достиг.

Лишь Зангибар, и Рум, и Франгистан
Людей не слали в Кей-Кубадов стан,^[123]

Затем, что Искандарову в те дни
Власть добровольно приняли они.

Текли войска в течение двух лет,
Сошлись войска, каких не видел свет.

Небесных звезд бесчисленной полки,
Несметней, чем пустынные пески.

И негде было им шатры разбить,
Рек не хватило коней напоить.

Туда, где сбор войскам назначен был,
Шах, нетерпенья полный, поспешил.

Когда такую рать он увидал,
Сильней в нем пламень мести запылал.

Сказал: «Коль двинусь на небо в поход —
Я отступить заставлю небосвод!»

Цари и шахи, данники Дары,
Меж тем несли бесценные дары, —

Хоть каждый дома грозным был царем,
Здесь кротко нес сильнейшего ярем.

Плеск ликованья загремел в войсках,
Когда предстал пред ними шаханшах.

Не осенял дотолe небосклон
Султана величавее, чем он.

Всех войск вожди — цари — к Даре пришли,
Склоняясь перед троном до земли,

У ног Дары целуя прах земли, —
И этим честь и славу обрели.

Кто удостоен был у шахских ног,
Пав на лицо, поцеловать песок, —

Тот мог быть счастлив: на его дела
Печать благоволения легла.

Так до жары полуденной с утра
Рабов венчанных принимал Дара.

Средь них был Чина властелин хакан,
Был падишах индийцев — Кара-хан.

Был Тимур-Таш — орды кипчакской хан,
Был Рес-Варка — египетский султан.

Был Фарангис — король страны Хавран,
Был Давали — султан земли Ширван.

Там царских сыновей толпа была,
Там полководцам не было числа.

Все также возвеличились они
Лобзаньем Кейянидовой ступни,

Вниманьем сильного вознесены,
Величием его осенены.

И столько в дар сокровищ привезли,
Что их и за сто лет бы не сочли

Все счетчики великого царя,
Не зная сна, усердием горя.

Когда ж даров окончился прием,
По чину, наивящим чередом, —

Велел великий царь царей Дара
Вождей и шахов звать под сень шатра.

Подобен небосводу был шатер —
Так полы он широко распростер.

И венценосцам сесть Дара велел
Вкруг трона, на котором он сидел.

Как слуги, полководцы стали в круг, —
У трона места не было для слуг.

И, обозрев испытанных в бою,
Владыка мира начал речь свою:

«Вот в чем причина сбора войск моих
И нарушенья мирных дел мирских.

Как только Файлакус — румийский хан —
Ударил в погребальный барабан,

Власть захватил его безумный сын,
Текущий криво, как вода стремнин,

Неукротимый, как степной огонь,
И непокорный, словно дикий конь.

Он — данник мой. Четвертый год настал
С тех пор, как дань платить он перестал.

Столь гордым он в своем безумье стал.
Когда же я гонцов к нему послал,

Чтоб разузнать о положенье дел
И почему платить он не хотел, —

И сразу все расчеты с ним свести,
И сразу взять всю дань и привезти, —

Моим послам он дерзко отказал!
Он много слов бессвязных им сказал,

Необоснованных и наглых слов.
И снова я послал к нему послов,

Чтоб от его главы ответить зло,
Но наставленье в пользу не пошло:

Глупец! Он так ответил дерзко мне,
Что кровь моя вскипела, как в огне!

Решил я слов напрасно не терять,
Решил я уши наглому надрать.

Вот каково начало, — отчего
Потрясено все мира существо!»

Умолк он. Поднялись за шахом шах,
Все — в ратных искушенные делах.

И лицами опять к земле припав,
И пыль у ног Дары поцеловав,

Сказали: «Как причиной столь пустой
Мог быть смущен властителя покой!

Румийский царь приличьям не учен,
Любым из нас он будет укрощен!

А тысяч сорок всадников пошлем,
Проучим мы его — в песок сотрем!»

Дара сказал: «Уж раз собрал я вас, —
Рум будет местом отдыха для нас.

Что Рум? На Франгистан и Зангибар
Направить мы теперь должны удар,

Дойти до крайних мира берегов,
Вселенную очистить от врагов —

Дней за десять! Свидетель — вечный бог, —
Никто придумать лучше бы не мог».

Судьба царю вложила речь в уста.
Нет от судьбы лекарства, нет щита!

И, как с судьбой, никто не спорил с ним...
И воротились все к войскам своим.

Не спали ночь — готовились в поход.
Едва багряно вспыхнул небосвод,

Рать, как гроза, на запад потекла.
Когда до Искандара весть дошла,

Что на него Дара — владыка стран —
Несется, как песчаный ураган,

Неотвратим, громаден и жесток, —
Он — Искандар — беспечным быть не мог.

Навстречу он лазутчиков послал —
О каждом вражьем шаге узнавал...

Спокойный, полный мужества и сил,
Он способы защиты находил,

Не зная отдыха и сна, — пока
Не подготовил так свои войска,

Что каждый рядовой его двустам
Врагам противостал бы, как Рустам. [\[124\]](#)

И, дивною отвагой облечен,
Сам ринулся врагам навстречу он,

Как буря на простор морских валов,
Как лев рычащий на табун ослов.

И весть о том до войск Дары дошла
И ужасом гордыню потрясла, —

Как никому не ведомый царек
На властелина мира выйти мог?

Когда же переходов семь дневных
Всего лишь оставалось между них, —

Все медленнее обе стороны
Сходились, осторожности полны.

При остановке войск вокруг шатров
Вал насыпали и копали ров.

И так охрана бдительна была,
Что мимо даже кошка б не прошла.

Так двигались два воинства.
И вот Меж них один остался переход.

Гора крутая возвышалась там,
Рассекшая пустыню пополам.

По ту и эту стороны горы —
Войска Румийца и войска Дары.

И вал велел насыпать Искандар,
Чтоб выдержать за ним любой удар.

И, выучку проверив войск своих,
Он сердце успокоил верой в них.

Полки своих мужей, готовых в бой,
На высоту возвел он за собой.

С высокой той горы он кинул взор
На открывавшийся пред ним простор.

И увидав врагов — их тьмы и тьмы!
Черны от войск равнины и холмы, —

Как будто ширь земная ожила
И в грозное движение пришла.

И пыль над войском, дым и конский пот
Лазурный омрачили небосвод.

Шум плыл от войск, как волн пучины шум...
И потрясен был Искандаров ум.

«Что ж! — молвил, — если здесь я бой приму —
Сам собственную голову сниму!

Я от гордыни в ослепление был,
Когда ковер сраженья расстелил.

Отсель путей для отступления нет,
Здесь гибель ждет меня, сомненья нет!»

Пока так сердцем сокрушался он,
В рассеянье воззрясь на крутосклон,

Двух куропаток вдруг перед собой
Заметил. Шел меж ними лютый бой.

Одна была сильнее и крупней,
Другая — втрое меньше и слабей.

Он, видя их неравенство в борьбе,
Даре их уподобил и себе.

И пристально смотрел он на борьбу,
Как будто видел в ней свою судьбу.

Он знал — победа будет за большой, —
И колебался скорбною душой.

Как вдруг могучий сокол с высоты

Упал стрелою рока, — скажешь ты.

Он куропатку сильную схватил
И на вершины скал с добычей взмыл.

А слабая осталась там одна,
Свободна и от смерти спасена.

Когда Румиец это увидал,
Он, сердцем ободрясь, возликовал.

Он понял: помощь некая придет —
И враг сильнейший перед ним падет.

Когда ж к своим войскам вернулся он,
Знамена ночи поднял небосклон

И факел дня, упав за грани гор,
Дым цвета дегтя по небу простер.

Душой, входящей в тело без души,
Вернулся царь к войскам в ночной тиши.

И ободрил он воинов своих,
И верных выставил сторожевых...

...Все спят. Не спят лишь в думах о войне
Цари на той и этой стороне.

Дара, что войск своих числа не знал,
Победу неизбежно считал.

Как мог иначе думать царь царей,
Могучий властелин подлунной всей?

Не видел он сквозь будущего тьму,
Что небосвод кривой сулит ему.^[125]

И так же Искандар не ведал сна, —
Заботами душа была полна...

Уж воины под кровом темноты
Готовили оружие и щиты.

Когда заря прекрасная взошла
И знамя золотое подняла,

И озарила воздух голубой
Счастливой Искандаровой звездой,

Два войска, как два моря, поднялись, —
И шум и топот их наполнил высь.

Богатыри издали страшный крик —
Такой, что слуха солнца он достиг.

И содрогнулся весь земной простор,
И глыбы скал оторвались от гор.

Подобны тюрку неба^[126], на конях,

В железно-синих кованных бронях,

Построились огромные ряды,
Как грозовые темные гряды.

Так выстроил Дара, владыка стран,
Не войско — кровожадный океан!

Ты скажешь: лик земли отобразил
Все миллионы воинства светил!

Был строй составлен из семи рядов —
Семи великих мира поясов.^[127]

От Самарканда и до Чина шло
Войск Аффридуна правое крыло.

Шесть сотен тысяч — на крыле одном —
Испытанных в искусстве боевом.

Узбеков было за сто тысяч там.
Калмыков — полтораста тысяч там.

Там войска Чина был отборный цвет,
По мужеству нигде им равных нет.

Парчою — цвета радужных огней —
Богатыри украсили коней.

Китайский шелк в отливах заревых
На шлемах развевается у них.

Там хан Тукваб, грозе военной рад,
Построил степняков своих отряд.

От них пришли в минувшие года
В мир — суматоха, ужас и беда.

Мечи их блещут, душу леденя,
Как языки подземного огня.

Я на собаке не считал волос,
Но больше там монголов поднялось.

Подобный льву, их вождь Мунгу ведет,
В мрак погружает страны их налет.

Мангыты там в чаркассских шишаках,
Чернь блещет на седельных их луках.

Мавераннахра далее сыны,
Как львы — отважны, как слоны — сильны.

А украшеньем левого крыла
Громада воинств Запада была.

Сопутствовали ассирийцы им,
И буртасы, и берберийцы им.

Желты у них знамена и наряд,

Их путь — путь к морю и к морю —

их латы медью желтою горят.

Арабов сорок тысяч было там, —
Завидуют ветра их скакунам.

И копья и знамена их — черны,
Под чепраком попоны их — черны.

Ваки — султаном был аравитян.
Тали был предводитель мавритан.

Сто тысяч сабель, ужасавших мир,
Из Медаина вывел Ардашир.

Был цвет знамен — фиалковый у них,
И цвет попон — фиалковый у них.

Вел Густахам, в один построив ряд,
Три города — Катиф, Бахрейн, Багдад.

Шли воины, как голубой поток,
В железных латах с головы до ног.

Шесть сотен тысяч было их число —
Войск, составлявших левое крыло.

Семьсот же тысяч — войск Дары краса, —
Что изумляли даже небеса,

Посередине двух огромных крыл
Стояли в голове всех царских сил.

Кафтаны были белые у них,
Тюрбаны были белые у них.

Шли далее янтарные ряды
Людей Хорезма и Кипчак-орды.

И грозный, что ядром всех полчищ был,
Отряд ряды, как горы, взгромоздил.

И было семь в отряде том рядов —
И в каждом по сто тысяч удалцов,

Отборных из отборнейших мужей —
Телохранителей царя царей.

Им шахом власть и красота даны,
В зеленое они облачены.

Зеленый шелк на стягах их шумел.
Их строй, как чаша леса, зеленел.

А сам Дара — средь войска своего.
И нет у неба грома на него!

Так выстроив порядок сил своих,
Спокойно на врага он двинул их.

Шах Искандар на стороне другой,
Отвагой полн, людей готовил в бой.

И франков — сотня тысяч их число —
Поставил он на правое крыло.

Был князь Шейбал военачальник там,
По доблести он Заля сын — Рустам.

Их одеяний франкский аксамит
Был драгоценным жемчугом обшит.

Они — как львы в пылу кровавых сеч,
Склоняется пред ними солнца меч.

Враг падает пред ними, уstraшен
Блистаньем семицветных их знамен.

А русов он на левое крыло
Поставил, сотня тысяч их число —

Суровых, ярых, как небесный конь, [\[128\]](#)
В бою неукротимых, как огонь.

Весь их доспех — лишь копья да щиты,
Они как совы в море темноты.

Плащ красной шерсти — воина броня,
Чепрак багряный на спине коня.

Шлем руса сходен с чашею стальной,
На шлеме перья иволги лесной.

Согласным — дружбы он несет звезду,
А несогласным — гибель и беду.

А зинджи стали войска головой,
У зинджей был от всех отличный строй,

Изделье черных зинджей — их булат,
Щитки их лат, как зеркала, блестят.

От вавилонских шлемов бьют лучи, —
То скачет зинджей воинство в ночи.

Их шлемы — как орлиные носы,
Изогнутый их строй — острей косы.

Так превратил их латы в зеркала
Напильник угнетения и зла.

Смерть отразилась в зеркалах их лат,
Их враг бежит, смятением объят.

Из румских войск ядро составил шах.
Румянец юности на их щеках.

Красивые в движениях — как львы,
И грозны в нападениях — как львы;

Как шкура льва и тигра — их броня.
Плащи их — цвета желтого огня.

Войска грозой грохочущею шли.
Покрыли львы и тигры лик земли.

Султан прекрасный — воинства глава,
Был светлый стяг над ним похож на льва.

Победы ветер знамя развевал
Над львом, что войском львов повелевал.

Так, наподобие пчелиных сот,
Войска построив, он пошел с высот,

Как будто диких пьяных дивов хор,
Завыл под барабанами простор.

Кавказ отгрянул, содрогнулся Тавр
От грохота бесчисленных литавр.

И надвое кровавый свой престол
Тюрк неба перед боем расколол.

Карнаи были так, как будто ад
Разверзся и нагрянул кыямат.

До неба тучей за клубилась пыль,
Земля — ты скажешь — превратилась в пыль

Скажи — не пыль! — то небо обняла
Безлунной ночи мускусная мгла.

Как молнии, зеркала и мечи
Сверкали в той грохочущей ночи.

И ржанье коней было словно гром,
Разящий землю огненным копьем.

Когда же воины издали крик,
Гром потерял от ужаса язык.

Будь небосвод беременной женой,
От страха плод он выкинул бы свой!

Когда ж умолкли воины на миг,
Настала тишина — страшней, чем крик.

И тучу пыли ветер отогнал,
И строю строй в долине виден стал.

И вот стрелою грозových высот
Румиец некий выехал вперед,

Красавца аргамака горяча,
Играя синим пламенем меча.

Крылом зеленым с левого плеча
Китайская клубилась епанча.

Как столб шатра, его копье, а щит
Был яхонтами алыми покрыт.

Как лилии раскрывшийся бутон,
Шишак султаном белым оперен.

Проворный, пламенный любимец сеч,
Став на ристалище, он начал речь,

Всевышнего восславив и судьбу,
За Искандара он вознес мольбу

И, обратив к войскам врага свой лик,
Провозгласил: «Я — Бербери-Барик.

Я был слугой Дары — царя царей,
Но проку в службе не было моей.

За верный труд — не то чтобы добра —
И взгляда мне не уделил Дара.

Стоящих много ниже — он дарил,
Меня ж, моих заслуг не оценил!

Когда о том я шаху доложил,
К рабу властитель слуха не склонил!

Когда ж меня просил я отпустить,
Он, в гневе, приказал меня избить!

Униженному тяжко, мне тогда
Блеснула Искандарова звезда!

Когда я к Искандару прискакал,
Мне царь так много ласки оказал,

Так ни за что меня он наградил,
Что от стыда я голову склонил.

На смертный бой теперь я выхожу,
Две добрых думы на сердце держу:

Всемерно Искандару послужить
И вражьей кровью в битве стыд отмыть!

Всех, кто отмечен щедрым был Дарой,
Поодиночке вызываю в бой.

Пусть шах, чьей мудростью земля полна,
Увидит сам, какая им цена!»

Когда же Бербери-Барик умолк,
Навстречу воин вылетел, как волк, —

С лицом убийцы, темен, словно дым,
Нависший над пожарищем степным.

В индигоцветной сумрачной броне,
На черном, искры сыплющем коне.

То — в туче бедствий — гибели огонь!
То — небосвод бегущий, а не конь!

Копье в руке, как башенный таран,
А имя было воину — Харран.

Произнеся молитву за царя,
Он в бой рванулся, яростью горя.

И сшиблись на ристалище враги,
И разлетелись, делая круги.

Слетелись вновь. И долго длился бой,
Не побеждал ни тот и ни другой.

Но вот Барик проворство проявил,
Он в грудь копьём Харрана поразил —

И вышиб из седла, сломав ребро.
И прогремели небеса: «Добро!»

Поводьями Барик врага связал
И с пленником перед царем предстал.

Вновь Искандару дух возвеселил
Знак вещей, что победу им сулил.

Шах Искандар — ты скажешь — в пору ту
Победы первой видел красоту.

А лев-бербер, отвагой обуян,
Вновь на кровавый выехал майдан.

И вышел из рядов врага тогда
Слоноподобный богатырь Шейда.

Но льва от поражения и стыда
Хранила Искандарова звезда.

И он такой удар Шейде нанес,
Что рухнул тот на землю, как утес.

К царю Барик сраженного привел, —
Связал и униженного привел.

Дара, владыка стран и мощных сил,
Копьём в досаде небу погрозил.

И вновь на поле, раскрывая зев,
Примчался лютый берберийский лев.

Другой — навстречу — издающий рев.
И страшно лица их наморщил гнев.

Но и его, как молнии стрела,
Бербер ударом вышиб из седла.

Так повалил Барик рукой своей
Девятерых подряд богатырей.

И больше в бой никто не выходил,
Но вспять коня Барик не обратил.

Он громко датободцев вызывал:

Скажи: огонь в сердца врагов бросал!

Ужасный гнев Дарою овладел;
Сильнейших звать на бой он повелел.

Муж выступил — похожий на слона,
Кружиться заставляя скакуна.

Силен, как слон, он с ног слона валил.
А конь, как носорог, огромен был.

Мех леопарда на его боках,
Тигровый плащ у мужа на плечах,

Как кровь живая, красный шлем горит —
Чалмой, как гибель, черною повит.

Не шлем — тюльпан! Но только не черно
Его пятно, а словно кровь красно.

Его лицо, как финики, темно.
А волосы — льняное волокно.

Глаза — алмазы! Но орбиты глаз,
Как после казни полный кровью таз.

Из стран заката он ведет свой род —
Таков обличьем весь его народ.

Неслыханная сила им дана,
Им никакая сила не страшна.

И если занятый войною шах,
Терпящий беды в боевых делах,

Хоть одного из них пошлет на бой,
Как слон, растопчет он отряд любой.

Но если в битве пленника возьмет, —
Все бросит и с добычей прочь уйдет

Домой, в пределы рода своего,
И силы нет остановить его.

А пленника приволочет в свой дом
И сделает навек своим рабом.

Но бербериец не был уstraшен, —
Как молния, на бой рванулся он,

И сшиблись ратоборцы, и сплелись,
И по полю, петляя, понеслись.

То настигал один, то убегал,
То вновь врага на край майдана гнал.

То первого бойца второй боец
Гнал на другой ристалища конец.

И подымали пыль они порой,

И пыль крутилась, словно смерч степной.

Кто мог бы льва, который вышел мстить,
В кровавом поединке победить?

Но все же истомил бербер коня, —
И в нем самом уж не было огня.

Ведь он девятерых мужей сразил
И силу мышц железных истощил.

Ловец людей, поняв, — слабеет враг, —
Схватил бербера крепко за кушак.

Добычу взяв, не отдал никому —
И не вернулся к войску своему.

Увел коня и пленника увлек.
И помешать никто ему не мог,

Ушел и скрылся медленно вдали,
Среди увалов пасмурной земли,

Там, где садилось солнце-властелин
За грани гор, в чертог морских пучин.

Увидев, что бербер его пропал,
Душою Искандар в унынье впал;

Сказал: «О, как горька его судьба!
О, как тяжел, увы, удел раба!»

Но он был рад, что богатырь такой
Неслыханный потерял был Дарой.

А шах Дара? — порадовался он,
Что бербериец лютый укрощен.

Но все же втайне он был огорчен,
Что боевой ушел из войска слон.

...Ночь наступила. Поднялась луна,
Как Искандар, величия полна.

И разделила ночи глубина
Войска. И наступила тишина.

В своем шатре Дара не ведал сна, —
Ему потребны чаша и струна.

Увы! — он кровь глотал взамен вина!
«Что завтра явит мир, что даст война?»

Румиец ночь в молитве проводил,
Он помощи просил у бога, сил.

Смирненно он чело к земле склонил,
В слезах о справедливости молил.

Когда ж уста мольбы он затворил,
Рассветный луч веппины озаял.

Тревожно вновь заволновался стан,
Взревели трубы, грянул барабан.

И в поле потекли войска тогда,
Как сонм воскресших в Страшный день суда.

И тучи пыли омрачили высь, —
Мечи и копья яростно сплелись.

Зерцала рассекая синих лат,
Богатырям сердца пронзал булат.

Сраженьем управляя издали,
Шах Искандар глядел на лик земли.

И в пору ту гонец пред ним предстал, —
В пыли, в поту — он тяжело дышал.

Склонясь во прах, он уст не отворил
И свиток запечатанный вручил.

Вскрыл свиток Искандар. Но как же он
Был тем письмом глубоко изумлен!

Он понял, что справился с врагом
Небесный свод в могуществе своем.

Два были у Дары, раба судьбы, —
Наместники царя, а не рабы.

Но незаслуженно султан их гнал
И ужасом их души напичкал.

«Войну закончу — смерть нашла на них!» —
Он молвил о наместниках своих.

Поняв, что им в живых не долго быть,
Решили те властителя убить:

«Пока не обнажил на нас он меч,
Должны мы сами жизнь его пресечь!..

Когда мы корни шаха поразим,
Народ от гнета мы освободим.

И пусть умрем потом! Ведь все равно
Светило наших дней обречено!

Желаний нет у нас других. Умрем,
Но души от насилия спасем!»

Они письму доверили сердца.
В румийский стан отправили гонца

К великому царю чужой земли, —
И тем на гибель души обрекли.

Когда же войск построились ряды, —
В кипенье нераскаянной вражды,

Те два, как заговор их был решен,
Настигли шаханшаха с двух сторон.

И разом заблистали их мечи,
Рубиновыми стали их мечи.

Один царю в живот клинок вонзил,
Другой — жестоко в темя поразил,

Возмездье и насилие творя
За гордость и насилие царя.

И наземь пал, как горделивый кедр,
Тот, корни чьи — в глубинах древних недр. [\[129\]](#)

Величие Бахмана враг поверг.
Светильник рода Кейева померк...

И дрогнул воинств необъятный строй...
Прочтя письмо, Румиец той порой,

Вручив судьбу и душу небесам,
Сел на коня и поскакал к войскам, —

Кровопролитие остановил.
Во вражий стан бестрепетно вступил.

И расступились люди перед ним,
И преклонились люди перед ним.

И о беде поведали ему, —
Как светочу, вошедшему во тьму.

И наземь он тогда сошел с коня,
В шатер Дары вошел, как солнце дня, —

И видит: в луже крови шах лежит,
Кровавой багряницею покрыт.

И сердце горем сокрушилось в нем.
И сел он, горько плача над врагом,

И голову Дары в ладони взял,
И столько слез горячих проливал,

Что у Дары в его предсмертный час
Открылись сонные нарциссы глаз.

Он понял, кто у изголовья был,
И тихо так Дара заговорил:

«Добро пожаловать, мой юный шах!
Мудрец и богатырь, подлунной шах!

Кто перл родил столь дивной чистоты?
Кто мог бы так врагу простить, как ты?

О, как я гневом на тебя кипел!
Как часто гибели твоей хотел!

Средь сильных, миром правящих земным,
Один ты был соперником моим.

Кто в мире есть, как ты? Нет никого!
В тебе явилось миру божество.

Я на лицо твое взирать хочу!
Склонись ко мне! Тебе внимать хочу!

Ты — гость мой, — но в какие времена?
Дом рухнул мой, разграблена казна!

Как послужу я гостю моему?
Где друга долгожданного приму?

Вот лишь душа не отдана судьбе...
Коль примешь — душу я отдам тебе!

Мой милый гость! Ты сердцем так велик,
Теперь я сам — твой гость! — твой гость на миг!

И если дружба, а не зло — твой стяг, —
Бог да хранит тебя на всех путях!

Но если ты явился, чтоб убить,
Склонился, чтоб главу мою срубить, —

Великодушен будь — не убивай!
Помедли миг, сказать два слова дай!»

Крик Искандар и громкий плач подъял,
Венец свой сбросил, ворот разорвал.

Вскричал: «Живи, великий шах земли!
Уйдешь — как буду от тебя вдали?

Вот пред тобой слуга смиренный твой,
Но я стыжусь, что был плохим слугой!

Увы! в ножны не вкладывая меч,
Я должен был властителя беречь.

Я должен был очистить от врагов
Чертог, где обитает Кей-Хосров!^{[\[130\]](#)}

О, если б о врагах его я знал,
Я б из пределов мира их изгнал!

Нет слов! Язык в бессилии молчит.
Отчаяньем стыда мой ум убит!

В безумье, знай, я принял вызов твой,
В безумье на тебя я вышел в бой.

Я не поверил вражьему письму.
И как — скажи — поверить мог ему?

Но вот — увы! — злодейство свершено.
И для меня светило дня черно!..

Свидетель — небо: лгать я не могу!
Ты знаешь, властелин, что я не лгу!

Я умер бы, судьбу благодаря,
Лишь бы спасти от гибели царя!

Теперь свою мне волю сообщи!
Ее исполнить в мире поручи!

Меня в свои желанья посвятить!
Дай свечечку мне на жизненном пути!»

Молитву небу шах земли вознес
И голосом чуть слышным произнес:

«Внемли, — вот три желания мои!
Три главных завещания мои!

Те, что меня убили без вины,
Твоей рукой да будут казнены.

Пусть не поможет месть моей судьбе,
Но польза будет в деле том тебе.

Спасти меня — нет средства. Я умру.
Но делом правды ты почти Дару!

Не обижай, прошу, родни моей!
Не забывай: их прародитель — Кей.

Знай! Никого средь них я не найду,
Кто мог бы затаить к тебе вражду.

Сиротам милосердье окажи,
К себе их вечной дружбой привяжи.

Не обрубай моих ветвей живых!
Нет для тебя опасности от них!

Дочь — Роушанак! — с сегодняшнего дня
Она одна осталась без меня!

Короной Кейев древнею она —
Хосрова пурпуром осенена.

Она — луна в созвездии царей,
Перл драгоценный шаховых морей.

Ковер свой украшай ее лучом!
И сердце утешай ее лучом!

Ее женою в свой шатер введи,
На трон с собою рядом посади!

Она — частица печени моей,
Последний колос скошенных полей.

С моею слабой печенью свяжись!
Будь сыном мне! Во внуке дай мне жизнь!

WILSON, J. 1980. *Journal of the Royal Society of Medicine* 73: 101-102.

кусочек печени моеи живои,
Внук будет продолжатель мой и твой.

Сын Искандара он и Кейанид, —
Меня с тобой навек соединит!

Трех этих просьб, о друг, не отвергай, —
Прим и их! Мне ж пора сказать: «Прощай!»

Воздел Румиец руки к небесам,
Дал волю горьким воплям и слезам.

«О царь царей, величия предел!
Все принял я, что ты мне повелел,

И к богу обращаюсь я с мольбой,
Чтоб он простил мой грех перед тобой!»

Когда Дара услышал, что желал,
Вздыхнул он и навеки замолчал.

И солнце закатилось, пала ночь.
В Бахмановом дворце настала ночь.

Закон пропал, что начертал Лухрасп,
Обычай пал, что завещал Гушгасп.

Кто светоч Кей-Хосрова омрачил?
Кто печень Кей-Хосрова поразил?

Смотри — Кава забвением объят.
Кто помнит, как был славен Кей-Кубад?

Страх духом Минучихра овладел,
На Афридуна ужас налетел...[\[131\]](#)

Шах Искандар владыкой мира стал
И все Дары могущество принял.

В блистающий табут он прах царя
Убрал, едва забрезжила заря.

Зазеленела степь, как изумруд,
В ней все цветы благоуханье льют.

И вывел шах войска в степной простор,
А посреди поставил свой шатер.

Шатер, как небосвод, установил
И мир народам мира возгласил.

* * *

Вина мне, кравчий! Душу в нем найду,
Беду слезами скорби отведу!

Пусть рок Даре поспешно яд несет, —
Живой воды Румиец не найдет!

Приди, певец, и снова чанг настрой!
Но, сладких струн коснувшись, плачь, не пой,

Чтоб горько зарыдал я над Дарой,
Как мех вина кровавою струей.

О Навои! Вот мира существо!
Неверность и жестокость — суть его.

Будь верным, но о верности забудь.
Коль хочешь быть богатым, бедным будь!

О царственном порядке и строе в божественной мастерской мира, подобных порядку и строю во владениях Вечного, где ангелы, избранныки, и пророки, и сонмы других созданий его по своим свойствам и качествам располагаются каждый на своем месте; и если все в этом мире помогают друг другу — это хорошо; а если нет — плохо

Рассказ о султанах Абу Саиде Курагоне, да будет светлой его могила, который с помощью своего ума, устраняющего все препятствия, взял много стран и мечом разрушения жизни разгромил многие народы, но его воины, не будучи согласны с ним, однажды возмутились; и он остался в опасности — один среди врагов, а противник мечом мести снес голову этому достойному

Глубокий мыслью в царственных делах
 Был в Курагоне знаменитый шах.

Он взял Мавераннахр и Хорасан
И много славных городов и стран.

Хорезм завоевал он и Кирман,
Кашгар он захватил и Сипахан.

Забулистан, Кабулистан при нем
Весеннім заблистали цветником.

Благоразумен, знающ, умудрен,
Великую державу создал он.

И мысль глубоко овладела им —
Всем этим миром завладеть земным.

И вот — все взвесив, после долгих дум,
Повел он войско на Табриз и Рум.

Но хоть благоволил ему пророк,
Тот мудрый царь имел один порок.

Несметные богатства он собрал,
Но в скудости людей своих держал.

Предусмотрителен был мудрый шах,
А недовольство ширилось в войсках.

Когда на Рум обрушил он удар,
Немедля рать свою собрал кейсар.

Чтоб нападенью должный дать отпор,
Он поднял бранный щит и меч протер.

Надолго затянулись дни вражды,
Дни голода, и жажды, и нужды.

А шаха Курагонского воиска
Ни в чем добра не видели пока.

И заговоров корни проросли
Средь войска, в глубине чужой земли.

Одни мечи бросают и бегут,
А те на сторону врага встают.

И, всеми брошен, пленником врагов
Стал царь семи вселенной поясов.

Явило небо неприязнь к нему;
Как солнце, закатился он во тьму.

Меч палача презренный заблистал,
Рубиновым от царской крови стал.

Внемли народа ропщущего глас,
Пока расплаты не нагрянул час!

Покинутый войсками властелин
Ничтожен; что он сделает один?

Засохнет быстро сорванный цветок;
Вне тела сердце — мяса лишь кусок.

Вот истина, известная давно,
Что шах и войско быть должны — одно.

Как два влюбленных — говорили встарь, —
Должны в согласие жить народ и царь.

Завоевать весь мир — легко ль сказать...
Но в дружбе с войском — не страшись дерзать!

Искандар, став владыкой в стране Дары, рассыпал золото и жемчуга, как солнце и рассвет, из его казны в сокровищницы, и этими дарами благоустроил дела подданных, и послал гонцов, чтобы вызвать шахов стран мира, и они все подчинились его приказам, а шах Кашмира произнес неподобающее заклинание, раджа Хинда ответил несогласием, и хахан Чина с недовольством отклоняет его предложение

Когда покончил Искандар с войной,
Вошел он в силу, словно лев весной.

Но духом щедр и разумом велик —
Он справедливости престол воздвиг.

Даруя счастье и миротворя,
Он стал душеприказчиком царя.

Печалью несказанною объят,
Оплакиванья справил он обряд.

И долго над Дарой он слезы лил
И царственно его похоронил.

Скажу я, что тужил он не о нем,
Скорбел о положении своем;

Такую власть, такие бремена,
..

На юные он поднял рамена.

Насколько велик властителя удел,
Настолько угнетен вершитель дел...

Последнюю Даре воздавши честь,
Цареубийц он приказал привести.

На солнцепеке — в час жары дневной —
Повесили их книзу головой.

И всем в народе, кто б ни пожелал,
Он стрелами стрелять в них приказал.

Тела казненных предали костру,
Развеяли их пепел на ветру.

«Такая участь — низкому тому,
Кто изменил владыке своему!»

Так Искандар веление царя
Свершил, всевышнего благодаря,

И молвил — полн желанием добра:
«Сирот оставил властелин Дара, —

Так пусть же успокоятся они!
И счастливы пребудут во все дни!»

Наделы, что даны им были встарь,
Пожаловал сиротам юный царь.

У власти над страной новой всей
Поставил верных, знающих людей.

Позвал писца, царевне Роушанак,
Участья полон, написал он так:

«Твоя потеря горше всех потерь.
Но ты напрасно не крушишься теперь.

Покорность воле неба в дни беды
Дает цветенье счастья и плоды.

Пусть куст увядший вырвет садовод,
Весной его отводок расцветет.

Разбитой быть — жемчужницы удел,
Чтоб чистый жемчуг в мире заблестел».

И он к царевне тамошних князей
Послал, даря их милостью своей,

Чтоб в царский сад князя перевезли
Тот лучший кипарис садов земли,

Не кипарис, а гурию высот,
Что солнцем озаряет небосвод.

И царь, когда обет исполнен был,
К завоеванью мира приступил.

Сокровища, накопленные встарь,
Приумножал Дара, великий царь.

От Фаридуна не расточена
Была Кейанов царская казна.

Все, чем был сонм отцов его богат,
Приял от них избранник Кей-Кубад.

Таков был строй Ирана вековой:
Царь умирал, на трон вступал другой,

И по завету мудрому веков
Удваивал казну своих отцов.

Миродержавный, наконец, Дара
Владыкой стал несметного добра.

Так было тысячу и триста лет.
Четырнадцать владык увидел свет.

А бог богатства все бывших царей
Румийцу отдал в щедрости своей.

Сто восемьдесят замков было там.
Дара богатства вверил их стенам.

В подвалах, вырубленных в толще скал,
Он золото под серебром скрывал.

И стражи тех могучих крепостей,
Начальники, хранители ключей

Пришли к царю, склонились до земли
И все ключи и списки поднесли.

Рассеяв страх и горе в их сердцах,
Расспрашивал их милостиво шах

И, видя преданность и верность их,
Сидеть оставил на местах своих.

И он велел, чтоб книги принесли,
Где всем богатствам царским счет вели,

И сколько ловят жемчуга в морях,
И лалов добывают в рудниках.

И у кого сходилась верно счет,
Тем Искандар оказывал почет.

А где по книгам счет не доставал,
Он тех допросам строгим подвергал.

И вот, когда дабири всё сочли,
К царю за приказаньями пришли.

И, вняв дабирам преданным своим,
Такой приказ владыка отдал им:

«Пусть всю казну сюда перевезут.
Пусть под рукой у нас хранится тут,

Чтоб не смутили дух моих врагов
Сокровища — наследие веков».

И слуги дружной двинулись толпой,
Как ветер по волнам береговой.

Понес за караваном караван
Вьюки сокровищ в царственный диван.

Два года, словно реки в океан,
Текли богатства в Искандаров стан.

И доложили шаху, как сочли,
Что половины не перевезли.

То, что осталось на своих местах,
Хранить велел надежным людям шах

В глубоких подземельях, в тайниках,
На кованых засовах и замках.

Все исполнялось так, как он велел,
И совершалось так, как он хотел.

Когда ученые его земли
В сокровищнице Джема всё сочли,

И ободрил великий мудрый шах
Людей, служивших у Дары в войсках,

Будь то вельможа, воин ли простой,
Иль тысячник, иль сотник войсковой,

Велел, чтоб всяк о нуждах говорил
И сколько прежде им Дара платил.

Когда от них к владыке весть дошла,
Сказал он: «Плата воинству мала».

«Бывало так, — услышал он в ответ, —
Что не платили нам по многу лет.

Казна заплатит — тут же и возьмет.
Ярмо налогов тяжких нес народ».

Когда о бедствии людей узнал,
Как море щедрый, Искандар сказал:

«Был у Дары обычай отнимать, —
Обычай будет наш — вдвойне давать».

Сказал он: «Дам вам отдых от войны,
Двойную плату выдам из казны.

Четыре сотни тысяч — войск ядро, —
На службе потерявших все добро,

Сполна всю плату будут получать,
Чтоб никогда им нищеты не знать.

Еще две сотни тысяч человек,
На службе царской бывших весь свой век,

Кем весь порядок держится в стране,
Получат также мзду свою вдвойне».

И на шесть сотен тысяч войск своих
Велел он выдать денег кормовых.

Войска вдвойне за службу наградил.
Харадж вдвойне народу облегчил.

Так защитил он войско и народ
И осенил страну, как небосвод.

Сокровища он людям раздарил,
Страдающих от горя защитил.

Сказал: «Что мне казна, что — блеск ее!
Народ и рать — сокровище мое.

И пусть дары морей и рудника
В казне моей несметнее песка,

Пусть я богаче всех владык земных,
Какой мне толк от всех богатств моих, —

Коль не приносят пользы мне они!
Гранит с гранатом искристым сравни:

Гранит — дешевый камень, а гранат
Увидев, люди алчностью горят.

И если ты сокровища хранишь,
Разбойники не спят, пока ты спишь.

Тот царь, чей благоденствует народ,
Богатство подлинное обретет».

Румиец, став богатым, полным сил,
Иран своею тенью осенил.

И, одарив довольством весь народ,
Стал собирать войска свои в поход.

Храня святой закон былых царей,
На службу взял он знающих мужей.

Призвал таких, чья мысль, как сталь, остра,
Пускай на них одежда не пестра.

Меч языка у каждого из них
Грозней оружия полчищ боевых.

Такую сеть их мысль могла сплести,
Что сильному из сети не уйти.

Коварнее покрытых медом жал
Их языка отточенный кинжал.

Они постигли глубь земных наук.
Высокий разум — спутник им и друг.

Премудрый Искандар назначил их
Послами быть во всех краях земных.

К саклабам шел один, другой — в Саксин.
Тот — в царство Индии, а третий — в Чин.

Один из них в Аравию пойдет,
В Кашмир далекий должен ехать тот.

В Миср едет этот, а другой в Багдад,
А тот в пределы царства Наушад.

Он каждого посла снабдил письмом.
Шла речь во всех посланьях об одном.

Одна во всех посланьях весть была —
Речь, что успокоение несла.

Калам Румиец тонко очинил,
И мысль такую в письмах он явил:

«Пишу тебе от имени того,
Кем создан мир и живо естество.

Того, кто видит мысли и сердца,
Не знает ни начала, ни конца,

Из бездны бедствий подымает он,
Царей с престолов низвергает он.

Любой владыка, грозный падишах
У ног его — ничтожество и прах.

Того ничто не в силах защитить,
Кого решил он в гневе истребить.

И нищему, лишенному всего,
Есть хлеб и место за столом его.

Царей на трон Дары возводит он,
А воля вседержителя — закон.

В покорстве воле бога — мир сердец.
Не спорит с вечным промыслом мудрец».

Так он, хвалу воздавший небесам,
Речь обратил крылатую к царям:

«Я — власть Дары принявший, Искандар.
Весь мир земной сужден судьбой мне в дар.

Ты — Чина прославляемый хахан,
Кого своим вождем назвал Туран,

Ты ведаешь: все, чем владеешь ты.

Величье бытия и прах тщеты,

И что придет, и что навек уйдет, —
Не нашей волей дышит и живет.

Господь дарует троны беднякам
И посылает бедствия царям,

С благоговеньем должно принимать
И дар его любой добром считать.

Будь это жизнь, иль смерть, иль тьма, иль свет, —
С его веленьем спорить смысла нет.

Нельзя отвергнуть неба приговор.
С предвечной волей тщетен всякий спор.

И тайно так иль явно он хотел, —
Весь этот мир отныне — мой удел.

Мне в этом деле воли не дано.
Так было всемогущим решено.

Он предрешил, как жизнь пойдет моя,
И ум и мудрость дал он мне в друзья.

Отец мой, уходя навек ко сну,
Мне завещал и царство и страну.

Но дух познания с детства мной владел,
И я желанья власти не имел.

Дал бог мне царство в некий день и час, —
Но ведь желанья наши — не от нас.

То в книге судеб предначертан был
Мой путь. И воли бог меня лишил.

К тому ж в народе внял я вопль и стон,
И крик о помощи со всех сторон;

К тому ж, услышав некий тайный глас,
Я принял власть, душой ее страшась.

И гласу духа внимля, свой удар
Обрушил я на черный Зангибар.

Труд принял я в походе и войне,
Буртасов племя покорилося мне.

И волей бога Франкская страна
До Моря Тьмы ^[132] была мне отдана.

И силу пробудил в моих руках
Творец миров, и пал Дара во прах.

Как победить я стольких сильных мог?
Мне силу дал мою, помог мне бог.

Раз во сто больше враг мой был порой,

Но волей бога выходил я в бой,

И каждый раз сильнейшего громил,
По воле неба пылью мир затмил.^[133]

Когда Иран под власть мою подпал,
Любой из вас мне подчиненным стал.

И всяк, кто прежде почитал Дару
И шел с поклонами к его двору, —

Все поспешили в стан ко мне прибыть
И, как Даре, мне поклялись служить.

Любой из тех царей не ожидал
Великих милостей, что я раздал.

И если в суть ты разумом проник
И счастье друг тебе и проводник, —

Встань и явись к величью моему,
Подобному лишь небу самому.

Приди, услышь, одобри речь мою,
Склони покорно голову свою.

Приди, покорность, дружбу мне яви
И век под сенью милости живи.

И возвеличен средь иных царей
Ты будешь светом милости моей.

Когда ко мне ты явишься, в тот час
Я во вселенной оглашу приказ,

Что перед всеми я тебя взыщу
И ото всех тебя я защищу.

Но если есть препятствие в пути
И не сумеешь ты ко мне прийти,

И если болен и не в силах ты
Добра и счастья перейти черты,

И если волей бога ты не смог
Высокий мой облобызать порог,

То пусть твой старший сын иль младший брат
Ко мне, тебе в замену, поспешат.

Из родичей пошли мне одного,
Своим доверьем одари его.

Чтоб он разумен был, осведомлен,
Чтоб за тебя во всем ответил он.

Пусть принесет он все твои долги
С поклоном и покорностью слуги.

Твои желанья пусть объявит нам
И оправданья пусть объявит нам

и оправданы пусть объявит нам,

Чтоб тайным чаяньям твоим я внял
И все исполнил, как пообещал.

Но если от покорства в эти дни
Откажешься ты — бог тебя храни!

Когда вражду, как знамя, ты взметнешь,
Дорогой заблуждения пойдешь,

То, если поразит тебя судьба,
Брани себя — неверного раба.

И о заступничестве ты моем
Не помышляй. Вيني себя во всем.

Вот все, что я сказать разумным счел.
Все остальное разъяснит посол!»

Письмо писцам отдав переписать,
Велел он эти списки разослать

В иные страны, всем другим царям.
Что ж, есть пора — молчать, пора — словам.

Коль царь напишет глупые слова,
О нем пойдет недобрая молва.

Для слова важного и время есть.
Что сказано не в пору — то не в честь.

Поехали с письмом во все концы
С охраною надежною гонцы.

И прибыли в предел иной земли.
И вот цари послание прочли.

Один от страха, тот награды ждет, —
Гонцам Румийца всюду был почет.

Всяк из царей, кто с разумом дружил,
К глазам письмо Румийца приложил. [\[134\]](#)

Цари, прочтя посланье до конца,
Ты скажешь, стали слугами гонца.

Харадж, и дань, и щедрые дары
Отправили наследнику Дары.

И в чаянье, что милость обрели,
Они к подножью славному пришли.

Лишь три владыки гордых трех сторон
Не тронулись к Румийцу на поклон.

Все трое, верные одной судьбе,
Но скажешь, каждый сам был по себе.

Бесстрашьем льву подобен и орлу,
Так говорил кашмирский царь Маллу:

«Хоть Искандар всю землю заберет,
Над всей землею я, как небосвод.

Три силы вечным богом мне даны,
И я не дрогну под грозой войны.

Мои твердыни древние крепки,
Заоблачные горы высоки.

И диво для врага, и горе есть, —
Подземное под царством море есть.

Есть пламя, есть источники огня,
Есть чародеи-слуги у меня.

Пускай с небес на нас падет беда,
Они не дрогнут мыслью никогда.

Прикажут: «Суслик, львом свирепым стань!
Могучим тигром стань, степная лань!»

Таков Кашмир. Нагрянет Искандар,
Я на него обрушу свой удар.

Бедой подую я в лицо ему,
Как вихрь солому, войско подыму.

Но если чарами владеет он
И наши силы одолеет он,

То в глубине страны пустыня есть.
Там, на крутой скале, твердыня есть.

Из красной меди крепость сложена,
Издревле заколдована она.

Под крепостью есть потаенный ход.
Твердыня подпирает небосвод.

А захотим — невидима она...
Такая мощь заклятий нам дана.

Искусство чар не каждый обретет
Из тех, кто в нашей крепости живет.

А спросят нас — искусство ваше в чем?
В том, что огонь и ветер стережем.

Так силен жар полуденной поры,
Что люди умирают от жары.

Спасенье — свежий ветер. Но когда
Подует он, то всем живым — беда.

Под ветром тем огня не развести,
Под кровлею защиты не найти.

Ужасен климат наш. Людей сердца
Он убивает. Здесь не жди венца».

Вот так Маллу Румийцу угрожал,
И так раджа из Хинда отвечал:

«Царь Искандар сказал мне — я внемлю,
Что б он ни приказал мне — я внемлю.

Но ведь когда Дара, владыка стран,
Призвал к себе на помощь Хиндустан,

Как он хвалил меня в письме своем!
Как льстил, нуждаясь в воинстве моем!

Что ж, я откликнулся. Но не забудь —
Мы на год, на два снаряжались в путь.

Забрал налоги за два года я.
Взял от полей и от приплода я.

Вперед я войску за год заплатил.
Когда ж пришел на битву полный сил,

Увидел я, что рок Дару сразил.
Царя сетями смерти обкрутил.

И день твой вспыхнул в боевой пыли...
А мы обратно по горам пошли

И снаряжение износили все,
Без боя по ветру пустили все.

В поход мы вышли в несчастливый час.
В пути напало бедствие на нас.

Теперь в лохмотьях сыновья князей,
Воруют, как рабы, чужих коней.

Пустыни я и горы миновал,
Ногою твердой вновь на царство встал.

Гляжу: увел я войско на войну,
Привел лишь часть десятую одну.

Увы, постигла наш народ беда,
Какой отцы не знали никогда!

Ты думаешь, что черен мой народ,
Но горя это черного оплот.

Я чернотою горя с головой
Покрыт. Но верь, я не противник твой.

Я внял твоим веленьям. Но гляди,
Как бедствуем мы! Нашу кровь щади!

Будь милосерден, слезы нам отри
И дай нам жить спокойно года три.

Пусть в мире обездоленный народ
Еще хоть два-три года проживет!

И если снова в силу мы войдем,
Я сам хотел бы встретиться с царем.

А понуждать войска в поход сейчас —
Докука беспредельная для нас.

Его посланье шлю обратно я.
Его веленье — не судьба моя.

Как смел? Как мне приказывать он мог!
Он — царь там у себя, но он не бог!

Он дерзок был, послы! Я вежлив к вам.
Пусть внемлет с честью он моим словам».

Так дал ответ раджа Румийцу в стан.
Иначе отвечал ему хакан.

Сказал: «В посланье этом злая речь,
Как черный яд, как изощренный меч.

Наверно, царь ваш не в своем уме, —
Настолько дерзок он в своем письме.

Богата и сильна страна моя.
Ни в чем ему не уступаю я.

Все, что он пишет мне в письме своем,
Несовместимо с честью и умом.

Не скажет мне и вечный небосвод, —
Пусть, мол, хакан передо мной падет.

С Дарой у нас, давно установясь,
Была когда-то дружеская связь.

Но он меня ни в чем не принуждал.
Меня, как старший, он не унижал.

Пусть Искандар — второй Дара.
Пусть он Владыкой мира будет наречен,

Но что ж не подсказал премудрый пир^[135]
Ему, что Чин — огромный целый мир?

Поспешен он по молодости лет,
Но я не тороплюсь давать ответ.

Он дерзок был в письме, я так скажу,
Но я запальчивость свою сдержу.

Пусть нам он дружбу явит, как Дара,
Тогда дождется он от нас добра.

Но если он всех выше мнит себя,
Лишь о своем величии трубя,

Утратил меру, упоен собой, —
То встретит он у нас вражду и бой.

Я не грожу, — пойду, мол, истреблю!
Но с ним на рубеже я в бой вступлю.

Он нападет на нас — не утрашусь.
Не спрячусь в город, в замок не запрусь.

Я выйду в поле, пыль взмету смерчом.
Во всеоружье дам отпор мечом».

Вернулись три посла в поту, в пыли.
Все Искандару, спешась, донесли,

Что отвечал раджа, Маллу-султан,
Что отвечал надменный им хакан.

Зато сошлись во множестве — смотри! —
Покорность проявившие цари.

Для них Румиец во дворце Дары
Устраивал вседневные пиры.

Но сам он не был счастлив на пирах:
О непокорных думал он царях.

Веселье вокруг него весь день цветет,
А в сердце, в мыслях у него — поход.

Меж тем на мир повеяло зимой,
А войск не водят зимнею порой.

Смирять сердце, на зимовку шах
Повел полки в Иран и Карабах.

***

О виночерпий, тяготы отринь,
Бутыль до дна в мой кубок опрокинь!

Улыбкой, как стекло ее, блистай.
В Кашмир пойду я, в Индию, в Китай!

Приди, певец! Кашмирский чанг настрой
И песню на индийский лад запой!

Пусть тот, кто чашу Чина мне нальет,
Дайрой поднос фарфоровый возьмет.

О Навои, возьми испей до дна
Источник животворного вина!

Нет в мире ни хакана, ни Маллу.
Они ушли в неведомую мглу.

По краю кубка вязью вьется стих.
«Они ушли, не говори о них!..»

И не об Искандаре песнь веда,
О Хызре говори и о Махди!^[136]

Описание зимы, ледяный ветер которой напоминает холодные вздохи скорбящих сердцем влюбленных и стужа которой рассказывает легенды о душистом дыхании влюбленных, в душе которых горит огонь, и ледяной покров которой напоминает мрамор, а ее буря побеждает весь мир, и в это время года белый мир с небесным ликом становится светлым от пламени, подобного солнцу, или от вина, подобного огню, и собрание пирующих расцветает от весны улыбок солнцеликой красавицы

Огонь — зиме, вино пирам дано.
Вино, как пламя, пламя, как вино.

Огонь в жаровне, словно гроздий сок.
Вино красно, как пламени цветов.

А шейки фляг длинней гусиных шей,
А на углях жаркое из гусей.

Как розы, рдеют угли в очагах.
Игра их отражается в глазах.

Вино красавец юный в кубки льет.
Другой — алоэ на угли кладет.

И угли, источая сладкий дым,
Дом озаряют блеском золотым.

Рубином уголь чудится в золе.
Рубин вина, как пламя в хрустале.

Пусть ночь, как мускус, за окном черна,
Сияньем наша горница полна.

Там, за дверьми, над мускусной землей,
Ночные тучи сыплют камфарой.^{[\[137\]](#)}

За дверью буря, вьется снежный прах,
А здесь — огонь и гости на коврах,

С опущенной в раздумье головой,
Внимают пенью пери молодой.

Поражено их сердце не вином,
А пеньем пери, глаз живым огнем.

В том пробудилась тайная печаль,
И он на крыльях дум унесся вдаль.

Когда ж он станет жертвою вина,
И сядет юная пред ним луна, —

В нем, непрерывно горечью дыша,
Как чаша, переполнится душа.

Жизнь без нее — долина горьких бед.
Взглянуть же на нее отваги нет.

Скажи: беда тому и тот пропал,
Кому она свой поднесет фиал.

И он главу преклонит, и тогда
Не подниматься ей до дня Суда...

Но тот блажен, кто в этот час умрет,

Жизнь вечную он в смерти обретет.

Когда влюбленный разума лишен,
Упав, как пьяный, он впадает в сон.

Луна, едва зарей блеснет восток,
Чтоб отогнать похмелье, пьет глоток.

И, затеяв пиршество опять,
Повелевает свечи зажигать.

Ее глаза и томны и темны,
И мы вином ее опьянены.

Колпак соболий набекрень у ней
На светлый лоб надвинут до бровей.

В баранью шубку кутаясь, она
Как солнце дня в созвездии Овна. [\[138\]](#)

И, календарь забыв, не видим мы
Помехи для весны среди зимы.

Она найдет влюбленного в нее,
Что впал, как в смерть, в глухое забытье.

Возьмет потреплет за ухо его,
Чтоб красоты он видел торжество.

И как мессия, к жизни воскресит
Того, кто ночью ею был убит.

Блажен, кто ею к жизни возвращен, —
Он Хызром к новой жизни приобщен.

Тот, кто живую воду изопьет,
Дыханье новой жизни обретет,

И притчей в мире станет речь о том,
Кто опален бессмертия огнем.

Не говори, что пьян Меджнун больной,
Скажи: расстроен в нем сознания строй.

Он обезумел, пери увидав,
Ушел от мира, мира не познав.

Увидев, что любовь грозит уму,
Чтоб тайна не открылась никому,

Он выйдет из дому в рассветной мгле,
Пойдет бродить безумцем по земле.

Пусть он ушел во вьюгу, по снегам,
Но мир иной открыт его глазам...

С нагорий дует ветер все лютей,
Пронизывая тело до костей.

Пластинами сверкающего льда

Окаменела быстрая вода.

Источник-солнце в чаше ледяной
Блится, искрясь яркою звездой.

И звезд небесных чистые лучи
Пылают ярче над землей в ночи.

А солнце светит тускло, и тепло
Из естества лучей его ушло.

И люди прячут лица в башлыках,
У странников сосульки на усах.

Как летом мотыльки на свет свечи,
Слетелись птицы на огонь в ночи.

Тенета дыма разостлал костер,
Как зерна, искры разбросал костер.

Лик месяца от стужи посинел.
Свод неба, словно льдина, побледнел.

Седые в небе облака висят,
Рождающие белый снегопад.

Знамена вьюги хан зимы подъял
И с войском бурь на край садов напал.

Он цветники разграбил и в ночи
Сорвал с деревьев золото парчи.

Тепло и свет пытаюсь уберечь,
Деревья просят — их в костер посечь.

И пламя ярко блещет, как фазан,
Зимы студеной озаряя стан.

Мир в горностаи оделся, нем и глух
Оделись люди в мех, и шерсть, и пух,

И, в плечи головы свои втянув,
Сидят, перед сандалом прикорнув.

Коль на змею зимою поглядишь,
Ее с куском веревки ты сравнишь.

Безвредна, силы стужей лишена,
Она свиваться, прядать не вольна.

К огню живому гурии сошлись,
Как звезды, что вокруг солнца собрались.

И всяк зимою привлечен огнем,
Как желтая солома янтарем.

Когда декабрь повеет на пруды
И серебром покроет ртуть воды, —

То рыба, скрыта под ледовый свод,
Зиме-аккле в пищ не пойдет.

Когда подымет рать январь-Бахман,
Земля, тверда, лежит, как Руинтан.^[139]

И вновь столпотворенье над землей
Несет воитель, от снегов седой.

В его глазах суровых стынет мгла,
И не вольна сразить его стрела.

И странным взору мнится мир земной,
Где все смешалось в буре снеговой.

Тогда в смущенье отступаем мы
Перед набегом воинства зимы,

И нет пути в пустынях снеговых,
И свет очажный — благо для живых.

Согрет и дышит амброю покой,
Ад снеговой бушует за стеной.

И гурия небес к тебе сойдет,
И чашу вод Ковсара принесет.^[140]

Подъемля чашу к жаждущим губам,
Блаженства полн, пади к ее ногам.

Тогда кругую выю небосвод,
Боюсь, от зависти к тебе, свихнет.

Счастливец, час раздумьям посвятить,
От сглаза заклинание прочти.

Пусть дом твой — рай, пусть в нем тепло и свет,
Что — рай, когда с тобой любимой нет!

О Меджнуне, как он ходил зимой и днем, и долгой темной ночью, вдыхая мускусный запах локонов Лейли от каравана ветра, и как счастливая судьба, наряжающая невест, дает ему в руки конец нити, ведущей к цели

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту о зиме, почему люди желают ее и почему естество их требует ее, несмотря на жестокий холод и снег. Мудрец открывает уста для ответа и сыплет жемчуг из облака мудрости

Искандар выступает в поход ради обладания миром, доходит до Хорасана, строит Герат, берет Мавераннахр, создает несравненный Самарканд, отправляется в сторону Кашмира, и, чтобы преодолеть колдовские чары кашмирцев, он, как Муса, своей блистающей рукой разрушает крепость колдовства, и Маллу, потерпев поражение, направляется к своей волшебной крепости, а Искандар доходит до города Кашмира

Победы книгу пишущий для нас
Так начинает новый свой рассказ:

Стал Искандар владыкою земли,
И все к нему с покорностью пришли

Цари, которыми еще вчера
Багрянородный управлял Дара.

Но трое не пришли: кашмирский хан,
Шах Индии, хакан восточных стран!

В поход на них готовясь, юный шах
Избрал зимовки местом — Карабах.

Он войско снаряжал и отбирал,
Мужей своим примером ободрял.

Но средь великих воинских забот
Не забывал державу и народ.

В час отдыха — на светлых берегах
Аракса — он охотился в горах.

Когда ж к покою брачному Овна
Светило мира привела весна

И молодая зелень поднялась,
Над всею степью объявляя власть,

Войска он вывел на простор степной,
Бесчисленные, как цветы весной.

Как предсказал тысячезвездный свод,
В счастливый час он выступил в поход.

Лицо он к Исфагану обратил
И власть над всем Ираном утвердил.

И, за спиной оставив Исфаган,
Вступил в благословенный Хорасан.

И той страны измерил он края, —
То не страна — отрада бытия.

Обширно-беспредельная — она
Обилия и красоты полна.

Там чистый воздух щек не опалит,
Он, как вино, бодрит и веселит.

И много рек и речек на простор,
Шумя, течет с ее прекрасных гор.

Четыре самых славных и больших,
По щедрости, как море, волны их.

В самозабвенье вечный небосвод
Внимает пенью их могучих вод.

Подобна раю той страны земля,
Там реки рая льются на поля.

Хирманд-рекою мы зовем одну,
Она поит Забулистан-страну.

Хирманда брег — Рустама древний кров,^{[\[141\]](#)}
Забул — долина роз, страна садов;

Она, как солнце, озаряет мир.
Ее «Нимрузом» называет мир.^[142]

Последний нищий там — богач Хатам,^[143]
И каждый воин там, как всадник Сам.

Другая же из этих рек — Абхар,
Ее вода — золотоносный дар.

В полдневный зной глоток воды ее
Пьют гурии, как райское питье.

Но жизнь врага от волн ее горька.
Питает древний Балх Абхар-река.

Тот Балх, что шах Гушанг облюбовал
И всей земли столицей назвал.

А третья там река — Муграб. Она
Струей Ковсара вечной рождена.

От всех болезней и душевных ран
Ей исцеленья дар волшебный дан.

Струящимся сокровищем зовет
Ее народ. Над нею Мерв цветет,

Где гурий полный рай себе обрел
Шах Тахмурасп, воздвигнув свой престол.

Сады полны непобедимых чар,
Где позже обитал султан Санджар.

А Ханджаран — четвертая река,
Она бежит в горах — сквозь облака.

Подобна небу — гор могучих грудь;
В горах река блеснит, как Млечный Путь.

Как жемчуг, камешки у ней на дне,
Играют звезды на ее волне.

Тот, кто живой воды ее испил,
Спасенье от недугов находил.

Как Хызр, сады цветут на берегах,
Не зная увядания в веках.

Как чаша неба, мир ее полей,
Как воздух рая, воздух чист над ней.

Пусть нёбо мира зноем спалено, —
Оно ее волной охлаждено!

Потом река по пламенным пескам
Течет, даруя счастье берегам.

В дали пустынь теряется она, —
В подземный мир скрывается она...

Шах Искандар, объехав Хорасан,
На светлых берегах разбил свой стан.

Любуясь благодатною страной,
Сказал он: «Не земля — а рай земной!»

И местом и рекою восхищен,
Прекрасный город там построил он.

И сто названий перебрав стократ,
Назвал свое создание — «Герат».

«Герат» — мы говорим, но посмотри:
Простолюдины говорят «Гери»...

И само солнце город молодой
Избрал своей счастливою звездой.

Как семь планет на тверди голубой,
Семь поясов имеет мир земной.

Как солнце посреди планет своих,
Так Хорасан средь поясов земных.

А в Хорасане — величавый град,
Прекрасная душа его — Герат...

Покамест солнце над землей встает,
Сияньем наполняя небосвод,

Пусть Хорасан красуется всегда,
Не зная смут и горя никогда!

Когда владыка мира город свой
Воздвиг и окружил его стеной,

Вновь для войны покинув свой престол,
Джейхун-реку он с войском перешел.

И распростерлась перед ним страна —
В цвету, как лучезарная весна.

Она «Мавераннахром» названа, —
Меж двух великих рек лежит она.

Страны Мавераннахра ширина,
Примерно, восьмистам верстам равна.

С востока у нее — река Сейхун.
А с юго-запада — река Джейхун.

Есть в той стране еще пятнадцать рек,
И лучшая река из них — Кухек.

Река Кухек, как Нил с Магрибских гор,
С горы Кухек стремится на простор.

То не гора — бесценный талисман,
Сокровищ всей вселенной талисман!

Не глиняные осыпи на ней,
Рубиновые россыпи на ней!

Кто видел эту гору, молвил тот:
«Вот голова Меджнуна слезы льет!»

Был Искандар тем краем восхищен,
Был им, как светлым раем, восхищен.

Построил город близ горы Кухек
И Самаркандом город свой нарек.

Столицей новою украсив мир,
Он двинулся немедля на Кашмир.

Повел через безводные пески
Войска — величьем духа и руки.

И много царств дорогой покорил
И вот к горам Кашмира подступил.

И грозную увидел крутизну —
Ее гранит царапает луну,

Вершина подпирает небосвод,
На кручу взглянешь — шапка упадет!

Сверкая, уходил во мглу небес
Ее стены обтесанный отвес.

Вскарабкаться нельзя на гору ту,
Перелетать — орлу неважно.

От неба до земли была она
Огромной трещиной разделена.

Ущелье то, не шире ста локтей,
Глубоко в гору шло, теряясь в ней.

В ущелье тесный закрывали вход
Две створы тяжких кованых ворот.

Их арка тонет в сумраке высот,
Дуга той арки — как небесный свод.

Созданье чародейства — не руки, —
Врата на диво мощны и крепки.

Волшебники, что создавали их,
Гранитом сплошь облицевали их.

На сто локтей от уровня земли
Вверху две медных башни возвели.

Ты скажешь: то не крепость! Не стена!
Ей никакая сила не страшна.

То плод ума, уменья, колдовства —
Так о твердыне той гласит молва.

В той крепости две тысячи людей —

Из них любой — колдун и чародей.

От шлема и до пят снаряжены
Они для обороны и войны.

Так угрожающ облик тех высот,
Что враг к ним на ягач не подойдет.

Оцепенеет злополучный тот,
Кто колдовства черту перешагнет,

Хотя б он на лихом скакал коне,
В беде себя увидит, в западне.

Там ослабеют ноги у коня.
Коню и всаднику там западня!

Там круг могучих чародейских сил
Пути для наступленья преградил...

В смятении о мощи тех преград
Царю передовой донес отряд.

Но шаха этот слух не устранил,
И с мудрым Арасту он поспешил

Туда — за край рядов передовых,
Проверить вести воинов своих.

Проверив вести войска своего,
Он молвил: «Вот Кашмира колдовство!

Нерасторжима волшебства черта!
Несокрушимы башни и врата!»

Но, дум своих волнение укротив,
Вернулся в стан, войска поворотив.

В шатре с ним Арасту и Афлатун,
Сократ, Аршамидус и Кылинмун,

И муж Волис, и румский Балинос,
Хурмус, и Фарфурнус, и Шаминос.^[144]

И с ними на совет к царю пришли
Пятьсот ученейших мужей земли.

Шах Искандар у мудрецов спросил:
«Где средство есть от чародейских сил?»

И встали приближенные царя,
Совет держали, рвением горя,

И говорят: «Великий шах-сардар!
Не опасайся черных вражьих чар:

Пусть крепость их грозна, как небосвод,
Наука наша вход в нее найдет!

Мы сломим ухищрения врагов,

Разрушим укрепления врагов.

Что против знания — маг и чародей,
Обманщик и базарный лицедей?

Вот мы, зиждители твоей судьбы,
Какие там зиждители, — рабы!

Любой — и Афлатун и Балинос —
Не уstraшитs колдовских угроз.

А не удастся их осилить нам,
Пусть будут нам уделом — стыд и срам!

Пусть чародеями ворон зовут,
Нам разогнать их — не великий труд!

Ты, царь, два дня спокойно отдыхай
Иль в степи на охоту поезжай.

На третий день мы дело разрешим,
Желание твое осуществим:

Кашмира чары сокрушим во прах!»
...От их речей возрадовался шах.

«Оставьте все дела! — сказал он им, —
Одним займитесь делом — коренным!»

И мудрецы, за шаха помолясь,
Ушли, всецело к делу обратясь.

Расположенье звезд учили сперва,
Взаимосвязь планет и естества.

Горн раскалили силой поддувал
И в нем с металлом сплавилs металл —

Ртуть, бронзу, олово. И наконец
Отлили тверди звездной образец —

Блестящий твердый шар, пустой внутри.
И что ж они придумали, смотри!

От четырех стихий по части взяв,
Огонь и воду с глиною смешав,

Неведомое миру вещество
Сварили, заложили в шар его.

А в два отверстия шара фитили
Заправили — из нитей конопли.

Стал этот шар драконьей головой, —
Не головой — стрелою громовой!

Коль фитили поджечь, а шар метнуть
За арку врат, за каменную круть,

То догорят в полете фитили —
И чуть коснется тот снаряд земли

и, тут коснется тот снаряд земли,

Едва о камни грянется снаряд,
Возникнет гром и смертоносный град

Осколков шара, — будет дым, огонь,
И вихрь, и ужасающая вонь

Взорвавшегося в шаре вещества,
И сокрушится сила волшебства.

Тогда врата железные падут,
И гибель чародеи обретут,

И дымом омрачится лик луны,
И станут лица колдунов черны.

От страха обезумеют они!
О бегстве лишь подумают они!..

Как был готов прекрасный талисман —
Луне подобный ясной талисман, —

К царю, — нет! — к солнцу неба и земли,
А не к царю, ученые пришли

С ядром изобретенья своего
И описали таинства его.

Прекрасноликий шах, придя в восторг,
Крик изумленья радостно исторг.

Сказал: «Вот чудо для ума и глаз!
Простите мне, что сомневался в вас!

Когда ж возмездья пустим мы стрелу
В оплот жестокосердного Маллу?»

«Да хоть сейчас! — ответили ему, —
Согласно повеленью твоему!»

И шах явил войскам свой светлый лик,
И ликования шум в войсках возник.

Сел на коня могучего султан —
За ним войска пошли, как Океан.

Цари земли у стремени его —
Оруженосцы бремени его.

Ученые же люди — погляди!
Орудье грома катят впереди.

Не на колесах медную трубу,
А грозную противника судьбу.

И, выйдя за передний воинств ряд,
Они в трубу вкатили свой снаряд.

Спервоначалу Чина вещество^[145]
На дно трубы насыпав под него.

Когда ж того орудья фитили
Мудрейшие из мудрых подожгли,

Раздался гром — и талисман взлетел,
Дабы народа тягостный удел

Одним ударом счастливо решить,
Дабы оплот насилия сокрушить!

Вот в крепости врагов снаряд упал,
И разорвался, и загрохотал.

Возникли ад, огонь, зловонье, гром —
И воины попадали кругом.

От дыма почернели лица их,
И раскололись створы врат стальных,

И распахнулось крепости жерло,
И на врагов смятение нашло, —

В безумье их повергли гром и дым...
Что, кроме бегства, оставалось им?

Вопя, они помчались в свой удел,
Там, где Маллу, злосчастный шах, сидел.

Золотолицыми они пришли,
А вспять черней, чем негры, утекли.

Сизоворонками они пришли,
Воронами и галками ушли.

Вот враг непобедимый поражен!
Вот глины ком на тысячу ворон!^[146]

...Когда же вести выслушал Маллу
Про грозную румийскую стрелу,

Об Искандаре тут подумал он
И понял, что он слаб, а тот силен!

Что маг перед ученым-мудрецом?
Что он — Маллу — перед таким царем?

И понял он, что мир его померк
В тот день, когда он мир с царем отверг.

И видит он, в смятении народ...
И сам от страха места не найдет.

В подземный ход — иного нет пути —
Сокровища велел перенести.

Оружье, золото и серебро,
Рубины, перлы — все свое добро.

Но вы, что столь богатым можно быть,
Увы, не сможете вообразить!

А сам на Каратаг он улетел
И, словно муха на ворону, сел!

И тот, кому свой меч вручил Дара,
Тот Джем, [1471](#) увидев действие ядра,

Сказал: «Ну, с богом, в крепость мы войдем!»
Но мудрецы, стоявшие кругом,

Ответили ему: «Сегодня — нет!
До завтра налагаем мы запрет.

Там не рассеялся зловредный дым.
До завтра здесь спокойно посидим!»

И сердце к отдыху и пиршеству
Шах обратил, подобный божеству.

Мужей науки в свой шатер созвал,
И много почестей им оказал,

И милостью своей их озарил,
И возвеличил их, и одарил...

Когда же закатился солнца шар,
Что над землей блистал, как Искандар,

И кубок наслажденье даровал
Всем, кто к нему устами припадал,

Из царского шатра они ушли
И с чистым сердцем отдых обрели.

Когда же встало солнце, сквозь туман
Горя, как Искандаров талисман,

Прекрасный шах явил войскам свой лик,
Как солнце утра — светел и велик, —

И выехал верхом к своим войскам,
Слоноподобный мощью, как Рустам.

И воинство рекою потекло
И в крепость чародейскую вошло.

Тесниной шло оно дней пять иль шесть,
Когда примчалась из Кашмира весть.

Гонец — к царю: письмо в руке одной
И ключ от города — в руке другой.

Писали: «Под насильственным жезлом
Народ наш не народом был — рабом!

Но, испытав могучий твой таран,
Бежал Маллу, безжалостный тиран.

Тобой от рабства освобождены,
К тебе мы благодарностью полны!

Но хоть избегли рабской мы судьбы,
Тебе мы будем верные рабы!

Простри над нами, мудрый царь царей,
Десницу справедливости твоей!

Мы совершим, что только скажешь ты!
Исполним все, что ни прикажешь ты!

Велишь — навстречу мы тебе пойдем
Всем городом! Твоей лишь воли ждем!»

И шах в ответ послал такой приказ:
«Мы не желаем беспокоить вас.

Сам буду к вам я через два-три дня.
Не бойтесь — и молитесь за меня!»

И вскоре Искандар в Кашмир вступил.
И в городе войска расположил.

Дворец отрады шах Маллу воздвиг,
Взрастил увеселения цветник.

В том замке, что свободным стал от чар,
Со свитой разместился Искандар.

Впервые в жизни в сад прекрасный тот
Теперь свободно приходил народ.

Внимание шаха люди там нашли,
Надежду жизни новой обрели.

Любовней и заботливей отца
Он обнадежил скорбные сердца.

Сказал: «Вот отдал я приказ войскам,
Дабы обид не наносили вам!

И кто у вас веревку отберет,
Висеть на той веревке будет тот.

И ни один боец румийских сил
Обиды жителям не причинил.

Все ж люди несказанной той земли
Дань добровольно шаху принесли.

Дань эту войску Искандар раздал,
А сам — с веселым сердцем — пировал.

И чашу, в коей отражался мир,^{[\[148\]](#)}
Он отыскал, обследовав Кашмир.

Да, кстати, у Маллу был казначей,
Хранитель всех сокровищ и ключей.

Он Искандару все ключи поднес,
Когда Маллу сбежал, трусливый пес.

И шах премудрый, овладев казной, —
Смотрите! — кубок отыскал другой

Тот кубок полн рубиновым вином,
Вино не сянкет, сколь ни отопьем!

«Вот это кубок жизни!» — шах сказал,
И «Чашей жизни» он его назвал;

Хоть кубок первый больше знаменит,
О нем рассказ в дальнейшем предстоит.

Взяв чашу — счастья величайший дар, —
Запировал великий Искандар.

Пчелою он, прильнувшей к розе, стал
И письма на чаше прочитал:

«Когда полмира покорил Джемшид,
Обиженным и униженным щит, —

Сонм мудрецов, что с шахом пребывал,
Сковал две чаши и заколдовал.

И «Отражающая мир» — одна,
Другая — «Чашей счастья» названа».

Шах Искандар, что с бою взял Кашмир,
Забыл о чаше — отражавшей мир.

Он к «Чаше счастья» жаждущий приник, —
Смотри: к фиалке мотыльком приник!

Смотри! Вот радость для моих друзей!
Вина не будет меньше, сколь ни пей!

Его до дна вовеки не допить
И не пролить, хоть кубок наклонить.

* * *

О чародей Кашмира, кравчий мой!
Ласкающую сердце песню спой!

Хочу, чтоб песню ты не прекращал,
Пока я в чаше дна не увидал.

Да не иссякнет чаша никогда!
Да не коснется дна ее вода!

Когда найдешь тот кубок, Навои,
Его ты «Вечным Кубком» назови!

Пей, друг, — но только если кубок тот
Розовощекий кравчий поднесет.

Рассуждение о том, что созерцание творений и деяний творца несравненного и бесподобного дает решительное доказательство и явное подтверждение его существования. Приведение доказательств того, что чудеса творения можно лучше постигнуть, путешествуя

по свету. Разделение путешествий на три вида: один шествует по дороге, как путник, проходящий долину погружения в себя и стремящийся к святыне; другой бродит по миру, как странник, получая на стоянках стремления к истине наставление совершенного руководителя; третий — это полководец, который ведет войско многочисленное, как звезды, чтобы овладеть миром

Рассказ о двух товарищах, один из которых, много путешествуя, стал государем, подобно солнцу, царствующему на небе. Другой был недвижим, подобно праху под ногами, и был сровнен с землей. Он, как песчинка, не мог оторваться от земли и достичь высокого положения

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту: почему мудрецы советуют совершать дальние путешествия

Когда Искандар дошел до Кашмира, Малу из своей волшебной крепости с помощью ветра украл огонь из Кашмира и превратил эту область в подобие мертвого тела, лишённого дыхания и потерявшего тепло жизни; Афлатун раскрывает это колдовство и тайным ветром разрушает жизнь Малу, рассыпая искры и жар скрытого огня на хирман его жизни, а Искандар зажигает светильник власти Фируза на месте Малу

О свежести утреннего ветерка, благодаря которому все вокруг постепенно расцветает, о красоте цветника юности, который постоянно радует сердце. Похвала тем, кто стал ясноликим, как солнце, предаваясь молитвам и склоняясь в молитве, подобно фиалке

Рассказ о беспечном юноше, который не знал цены советам мудрого старца и раскаяние которого не принесло пользы

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту, почему в юности человек избегает молитв, почему к старости слабеет его разум; светлый ум духовного наставника помогает счастливому шаху постигнуть истину

Выступление Искандара из Кашмира в Индию

Историк, что в индийском жил краю,
Так начинает летопись свою:

Как обещал великодушно, в дар
Кашмир Фирузу отдал Искандар,

Возвел на трон, царем его назвал,
Платить харадж посильный обязал.

Сказал он: «Здесь два месяца живи
И справедливый строй установи.

За этот срок войска ты соберешь
И в Индию ко мне их приведешь.

От всех забот в ту пору устранись
И в Индию походом устремись».

Царю Кашмира дав наказ такой,
Простился Искандар с его сестрой.

Подобную светильнику небес
Укрыл парчою девяти завес.^[149]

Он двинуться решил на Индустан,
Все силы устремил на Индустан.

Рать поднялась, покинула Кашмир,

Пошла, ногами попирая мир.

Покрыли землю грозные войска,
Всклубились желтой пыли облака.

Шли по ущельям, горной крутизной,
Не мера долгий переход дневной.

Все страны покоряя на пути,
Румиец дальше продолжал идти.

Твердыни на заоблачных горах
Пред Искандаром падали во прах.

Дурных он гнал, насильников казнил,
А добрым людям радость приносил.

Величье гордых он с землей сровнял.
Кто властвовал — теперь подвластным стал.

Везде остались дел его следы.
Пески пустынь он превратил в сады.

Проведал раджа: Искандар идет,
Войска неисчислимые ведет;

Что он Кашмир каким-то чудом взял,
Веревку чудодейства развязал,

Огня и Ветра крепость захватил
И мир и свет Кашмиру возвратил.

Услышал это все индийский шах,
И охватил его великий страх.

Все взвесил он и понял, что в бою —
Увы! — он власть не отстоит свою.

И он решил покорность проявить,
Дарами гнев Румийца усыпить.

Он взял по девяти ото всего,
Чем славились владения его.

Слонов сначала вспомнить надлежит,
Под чьею поступью земля дрожит.

Слоны-громады в девять шли рядов,
Был каждый ряд по девяти голов.

Так слышал я; а есть другой рассказ:
По тридцати их было девять раз.

Как из гранитных созданные глыб,
Слоны гранитный кряж свалить могли б.

Шаги их — поступь тяжкая судьбы,
Несокрушимы каменные лбы.

Слон, как корабль, что по суху идет,
А по бокам два паруса несет.

А по бокам два паруса несет.

Нет, не корабль, — как небо, каждый слон,
А хобот — Млечный Путь или дракон,

Завитый в кольца; а по толщине —
Дракон и хобот были б наравне.

Когда свой хобот изгибает слон,
Ты скажешь: извивается дракон.

Чинар он вырвет, если обовьет,
Повалит стену, если лбом толкнет.

Так белы два могучие клыка,
Что в зависти темнеют облака.

И каждый клык, как пальмы ровный ствол,
Как тополь бел и, как таран, тяжел.

Слона-громаду с небом мы сравним,
Как месяц, крюк погонщика над ним.

Величье, сила, мощь в любом слоне.
У каждого попона на спине —

Золототканая, семи цветов,
С каймой из драгоценных жемчугов.

На каждом — диво-башенка, а в них
По девять индианок молодых.

И все они, как родинки, черны,
Весельем сердца, прелестью полны.

Их платья желты, зелены, красны,
Как осень, блещут на пиру весны.

Слоны, качая хоботами, шли,
Гордясь, что смуглых гурий рой несли.

Вслед за слонами, вихрем рождены,
Играя, выступали скакуны,

В попонах пышных, в золоте кистей,
Все кони разных девяти мастей.

Как див обличем, быстрый, как огонь,
И словно пери неба — каждый конь;

Как ветер в беге, плавен, как волна,
Небесного обгонит скакуна.

Они широкой рысью стройно шли,
Как будто не касая земли.

Когда, как птица, пегий выступал, —
Конь времени далеко отставал.

Коль рыжий, шею вскидывая, ржал, —
То весь, как солнца рыжий конь, сверкал.

В масть были цветом паперси на них,
В звенящих колокольцах золотых.

И копыеносец на коне любом —
В цветном кафтане, в поясе златом.

Все, как Кейван, темны, а души их
Воинственны и храбры, как Маррих.

В ушах их — серьги верности; любой
Готов за шаха устремиться в бой.

И девять шло навьюченных ослов
С запасом платья и цветных шелков.

И та одежда так тонка была,
Что даже мысли скрыть бы не могла.

Хоть десять тех одежд надел бы ты,
Скрыть ими не сумел бы наготы.

Несли сосуды золотые вслед,
Как солнце, излучающие свет,

Кувшины, блюда, чаши, пиалы, —
Как солнце, с виду ярки и светлы, —

И клетки с попугаями вослед;
Забавны птицы, скоры на ответ.

Их перья — изумруд, а клюв, как лал,
Речений звучный жемчуг рассыпал.

Павлинов в клетках золотых везли
Из птичника небес, а не земли.

Блистанье радуг на хвостах у них,
Венцы невест на головах у них.

Алоэ драгоценный и сандал
Царю вселенной раджа посылал.

И слал еще редчайшие дары —
Запасы мускуса и камфары.

Издревле был до отдаленных стран
Учеными прославлен Индустан.

Любой, как Арасту и как Сократ,
Был несказанно знаниями богат.

Все праведны, все — истины оплот,
Все пламенны, как солнечный восход.

И всем им дан провидения дар,
Все мудры, как Фаридаддин Аттар.^{[\[150\]](#)}

И раджа мудрецов к себе созвал,
Покаялся пред ними и сказал:

«Увы! Я — раб, а Искандар — мой шах.
И перед ним я рад упасть во прах.

Мысль не вступала в голову мою
С ним воевать и спорить с ним в бою.

Судьбою было так предрешено,
А нам с судьбою спорить не дано.

Я выполнить веленья не успел.
Болел я телом, духом ослабел.

Я свиток шаха принял, как судьбу,
Поцеловал и приложил ко лбу.

Я рад бы службу у него нести,
Но болен был, не смог к нему пойти.

Его приказа я не отвергал,
Не отрекался, спорить не дерзал.

Я перед вами всей душой открыт.
Гонец румийский это подтвердит.

Я немощен в ту пору, болен был,
И мнится, я прощенье заслужил.

Коль Искандар внимание явит мне,
И остановится в моей стране,

И возвеличит милостью своей
Мою главу среди земных царей,

И трон мой средь народа утвердит, —
Навек мое он сердце победит.

Рабом я буду преданным ему,
Пока не скроюсь в гробовую тьму.

А если в гнев душою он впадет
И яду в чашу милости вошьет, —

Что ж? Черного индийца — так и быть —
Всяк может в черном деле обвинить.

Я сил и средств для спора не найду,
Подумайте, как отвести беду.

И грешный дух мой в слабости виня,
Перед царем вступитесь за меня.

Он миром правит, милостью дыша.
Как зеркало, чиста его душа.

Когда пред ним вы встанете, как щит,
Шах Искандар вину мою простит!»

Так правдомыслен и красноречив,
Он к мудрецам свой обратил призыв.

И старцы устремились, как челны,
Навстречу ярости морской волны.

Они с великими дарами шли;
Несли величье, блеск своей земли.

...Вот запестрел сквозь утренний туман
Необозримый Искандаров стан.

И старцы к воинским пришли вождям,
Румийским поклонились мудрецам.

Гостей с почетом принял анджуман
Ученых, что прославили Юнан.

Те выслушали старцев и пошли,
И о посольстве шаху донесли.

При этой вести вождь румийских сил
Огонь вражды невольной погасил.

И, радуясь приходу мудрецов,
Освободил он сердце от оков.

На дар индийца он и не глядел;
Индийских старцев видеть он хотел.

Призвал их, усадил их на ковер,
Повел отрадный сердцу разговор.

Приход их знаком счастья он почел.
Навстречу старцам с трона он сошел.

Смиренья полн, приветствовал он их,
Как ученик наставников своих.

И перед каждым голову склонил
И каждому внимание явил.

Без всякой пышности, покинув трон,
В кругу ученых сел на землю он.

Свет истины и знания возлюбя,
Он с честью усадил их вокруг себя.

Ведь как воды целительных ключей,
Как истины, он жаждал их речей.

Сказал: «Простите! Много вам в пути
Пришлось из-за меня перенести!»

Те, вознеся молитву за него,
Открыли цель прихода своего.

Шах Искандар смущен их речью был.
Чело он перед старцами склонил,

Сказал: «Открыта вам душа моя.
Что ни попросите, исполню я.

Ни малой, ни великою виной
Ваш царь не отягчен передо мной.

И пусть он прежде непокорен был,
Но он раскаялся, и я простил,

Тем более когда ко мне пришли
Вы — избранные светочи земли,

Пришли о снисхождении просить, —
Виновного могу ли не простить?

И если много зла он совершил,
И если казнь он даже заслужил,

Но вы пришли, и вот — смиряюсь я,
И от возмездья отрекаюсь я.

И здесь его не казнь, а милость ждет.
Пусть он к порогу моему придет.

Я истинную власть ему вручу,
Его дела величием облачу.

Престол неколебимый дам ему,
Его знамена к небу подыму.

О мудрые, храни вас вечный свод!
Мне знамение счастья ваш приход.

Ко мне пришли вы, ноги натрудив,
И вот я светел духом и счастлив.

За все прощенья у вас прошу,
Но силой новой я теперь дышу.

Закон есть: покоренная страна
Дань победителям платить должна.

Я вовсе дани с вас не буду брать,
Чтоб страждущий народ не изнурять.

Ваш царь мне должен был харадж платить,
Но от хараджа вас освободить

Решил я на два года, чтоб народ
Не впал в беду от столь больших забот».

Увидев, как добросердечен шах,
Склонились мудрецы пред ним во прах.

Величием духа он их поразил
И так их на прощанье одарил,

Что старцы не сумели слов найти,
Чтоб за него молитву вознести.

Величие милости уразумев,
Они сидели, словно онемев.

И встали. чистой радостью годя.

И вознесли молитву за царя:

«Пока вращается небесный свод,
Покамест солнце по небу идет,

Пусть будет твой престол на небе том,
А солнца круг подушкою на нем!

Да не уйдешь из жизни никогда,
Да светишь нам, как мудрости звезда,

И покорятся пусть в конце концов
Тебе все семь великих поясов!

Блистай, как солнце, одаряй весь мир,
Как чаша Джема, озаряй весь мир!

Мы шли к тебе, душой угнетены,
Тревогой и сомненьями полны.

Мы думали — и ты, как все цари,
Снаружи — блеск, но зло и тьма внутри

И видим: все владыки — черный прах,
Ты из добра и света создан, шах.

Тебя таким предвечный сотворил,
Чтоб ты над всеми странами царил.

Узнав тебя, твой благородный нрав,
Воспрянули мы, страх в душе поправ.

Пусть в темной чаще розы цвет укрыт,
Благоуханье розу облачит.

Подавлены величием твоим,
Мы в удивленье пред тобой стоим.

Когда же нам ты помыслы открыл,
Вдвойне ты наши души удивил.

Дан свет могучий духу твоему,
Из смертных не присущий никому.

Мы видим свойства ангела в тебе,
Дыханье вечного в твоей судьбе!

Когда бы раджа нрав твой угадал,
Сюда б он сам немедля прискакал.

Позволь, владыка наш, прийти ему,
Припасть челом к порогу твоему.

Вернемся, радже милость возвестим,
От скорби дух его освободим.

Когда он примет власть из рук твоих,
Вернейшим станет среди слуг твоих».

И молвил царь индийским мудрецам:

«Пусть так и будет, как желанно вам!»

И встали, поклонились мудрецы,
В обратный путь пустились мудрецы.

И рассказали радже обо всем,
Сказали: «Препояшьясь, и пойдем».

Увидел царь индийский — он спасен,
Из мрака смерти к жизни возвращен.

Вновь старцев к Искандару он послал,
А сам за ними следом поспешал.

Повел огромный караван даров.
Чтоб описать дары, не хватит слов.

Доверясь мудрецам-проводникам,
Спешил он по долинам и горам.

И те светильники его земли
На всем пути беседу с ним вели.

Об Искандаре, о делах его,
О полных мудрости словах его.

И, внемля их речам, индийский шах
Плыл, как пылинка в солнечных лучах.

Вот наконец привел свой караван
Индийский раджа в Искандаров стан.

И тут же Искандару донесли,
Что царь и спутники его пришли.

Ответил Искандар: «Гостям я рад.
Пусть люди знания дом мой озарят».

Индийский раджа повеленья ждал,
И на пороге царском он предстал

С мечом на шее, бледен, удручен,
Как перед казнью, в саван облачен.

Но Искандар воскликнул: «О мой брат!
Не унижайся, ты не виноват!

И мне достаточно того, что сам
Теперь явился с избранными к нам».

И сняли с шеи униженья меч,
И сняли саван у индийца с плеч.

В парчу его и пурпур облекли
И к трону миродержца подвели.

Румиец обнял гостя своего.
С собою рядом усадил его,

Но вновь индиец пал у шахских ног,
Как с гон кипящий палает поток.

И снова поднял Искандар его,
И обнял, словно друга своего,

Любовь явил, и милости, и честь.
И раджа повелел дары принести.

Блюдя обычай древний и обряд,
Дарил он так, как нынче не дарят.

Его Румиец поблагодарил, —
Скажи, — рудник добра пред ним раскрыл.

И усадил вокруг людей святых,
Мужей ученых, мудрецов седых,

Великую опять явил он честь
И близ престола попросил их сесть.

И понял старцев и провидцев круг,
Что он не властелин для них, а друг.

Сам чародеев он очаровал,
Сердца их нитью верности связал.

Цепь тонких мыслей длинною была,
Далеко за полночь беседа шла.

Увидел раджа милости поток,
И встал, и просьбу так в слова облек:

«Царь, я лелею в сердце мысль одну,
Чтоб осчастливил ты мою страну,

Чтобы у нас остался, погостил,
Как солнце, землю нашу осветил.

Увидишь сам: индийская страна,
Чудес нигде не виданных полна.

Стрелок в лесах привольных для охот
Зверей и птиц диковинных найдет.

Да и зима уж близко подошла;
Зимой же все кончатся дела.

Потребны людям — радость и покой,
Вино, веселье, музыка зимой.

Зима же в Индустане, о мой шах,
Сияет, как весна в других краях.

Из тучи — дождь, в садах весенний цвет,
Ни стужи, ни жары, ни пыли нет.

Когда же солнце в знак Овна войдет,
Тогда ты сможешь продолжать поход.

Войска вести иль труд начать иной,
Во всем удача будет той порой!»

Как жаждущий, что воду увидал,
Словам индийца Искандар внимал.

По сердцу эта мысль ему прилась,
И молвил он, к собранью обратясь:

«Где место мне укажете вы — там
Стоять шатрам и отдыхать войскам!»

Сказали: «Главный город наш — Дехли,
Туда и войску двигаться вели!»

Ответил: «В город войска не вмещу,
В лесах я лучше места поищу.

Когда Дехли полками наводню,
Ущерб я горожанам причиню.

Пусть кто-нибудь из вас пойдет вперед
И место вне столицы мне найдет.

Пусть будет от столицы далеко,
Везде перезимуем мы легко».

И раджа вновь сказал, склонясь во прах:
«Прикажет пусть миродержавный шах,

И я — твой раб — на место поспешу,
И все решу, и дело завершу.

Урочища, долины осмотрю,
Где зимовать великому царю».

Румиец раджу поблагодарил,
Престол, венец и пояс подарил,

Потом — большой табун, где скакуны
Сильны, как носороги и слоны,

Под седлами в сверкающих камнях,
В расшитых жемчугами чепраках.

Домой отправил раджу наперед,
И сам он следом двинулся в поход.

Вернулся раджа, в город свой вступил
И весть благую людям объявил.

Сказал: «Войны не будет! Пусть народ
В покое, безопасности живет!»

И ликовал народ, узнав, что он
От дани тягостной освобожден.

А раджа сам не думал отдыхать;
Румийца он готовился встречать.

Был близко от столицы лес Нигар,
Как райский сад цветущий, полный чар;

Немолчным пеньем птичьим оглашен,
Был всякой дичью изобилён он.

Как мускус, в том лесу земля была;
В ночи вставала амбровая мгла.

Стволы эбена в чаще поднялись,
Сандаловые ветви извилились.

Эбен чернел агатом. Словно медь,
Желтела драгоценная камедь.

От зарослей сандала ветерок
Благоуханья приносил поток.

И этот запах чувства оживлял,
Леса, ущелья, доли наполнял.

Подобно косам сребротелых дев,
Висели змеи на стволах деревьев.

Гвоздика, к гиацинту наклонясь,
Его соблазнам сладким предалась.

Там деревья вставали до небес;
В листве их темной солнца диск исчез.

Под той листвою, в самый знойный день,
Был сумрак влажен и отрадна тень.

Чинар, ветвей раскинув пятерни,
Казалось, солнцу мира был сродни.

От благовония лесных щедрот,
Как голова, кружился небосвод.

Смоковницу до звезд вздымал тот лес,
Смущая мир смоковницы небес.

Там пальмы упирались в небеса,
И вверх по их стволам вилась лоза.

И гроздь лозы над головой висят
Или огни бесчисленных Плеяд?

Лоза, что к небу гроздь подняла,
Петлей небесный лотос обвила. [\[151\]](#)

Она до звезд дошла — сказал бы ты, —
Чтобы похитить лотос с высоты.

Распустит осень лучезарный хвост,
Рассыплет сотни тысяч ярких звезд.

Миллионы птиц, как странники небес,
Кричат, поют, слетаясь в этот лес.

Там попугаи пестрые царят,
Порхают, не смолкая говорят.

Они повсюду стаями снуют.
Одни — зеленые, как изумруд,

Всю ветку сплошь обсядут, и она,
Как одеянье Хызра, зелена.

Вот стая красных пала с высоты
На пальму, словно алые цветы.

Цвет их пера — гранатовый цветок,
Клюв каждого, как яркий огонек.

Зеленых, красных стаи средь ветвей,
Как гроздья разноцветных фонарей.

Там, как преданий сказочных творцы,
Сидят красноречивые скворцы.

Переливаясь, блещут перья их
Подобием пластинок золотых!

В узорах радужных и в письменах
Венцы горят у них на головах.

И все движенья плавные скворца
Способны очаровывать сердца.

Атласные обновы на скворце,
И колпачок парчовый на скворце.

Там, словно житель ангельских долин,
В одежде пышной шествует павлин.

Дугою выгнув шею, опьянен,
Как плавно движется, как томен он!

Эмалью синей та дуга блестит
И тонкой позолотою сквозит...

Фазаны, куропатки на лугах
Пестрели, словно радуги в глазах.

Где к кипарису подлетал фазан,
Сам кипарис к нему склонял свой стан.

Павлин в ветвях высокой пальмы был,
Как среди кущ небесных Джабраил.

Таков был лес Нигар чудесный тот,
Зеленый и цветущий круглый год.

Там с юга был богатый город Хинд,
А с севера река большая Синд.

Ладьи по водам плыли и челны,
Как по небу плывет ладья луны.

На том отлогом берегу реки
Высокие вставляли тростники.

Там по простой был — сказочный тростник

то не простои был — сахарный тростник,
Как дар небес, он в тех краях возник.

В тех тростниковых зарослях вода,
Как сладостный шербет была всегда.

Лес отражала с запада гора
Пестрее многоцветного ковра.

Весна цвела на склонах круглый год,
Гудели пчелы, собирая мед.

И там медовой пальмы сладкий сок
Был словно меда чистого поток.

С журчаньем выбиваясь из земли,
Там сладкие источники текли.

От бурных тех источников река,
Как мед, желта была, как мед, сладка.

Там тысячи резвились диких коз,
Не ведая охотничьих угроз.

Олени жили в зарослях густых,
Тростник, как пугы, на ногах у них.

Играли рыбы там в речных волнах,
Подобны Рыбе в южных небесах.

Загонщикам тот лес не окружить,
Ловцам всей дичи не переловить.

Тонул в садах прекрасных город сам;
В нем счета нет чертогам и дворцам.

Тот лес Нигар, подобный небесам,
Река, гора, что описал я вам,

Открытостью своей и красотой
Пленяли взгляд, бодрили дух живой.

Там раджа Искандара поселил,
Как будто рай земной ему открыл.

На том лугу, на склонах той горы
Все воинство раскинуло шатры.

Был Искандар стоянкой восхищен;
Лес, гору, берег сам объехал он,

Сказал: «Хоть мир из края в край пройти,
Нигде зимовки лучше не найти!»

С ним раджа неотлучно всюду был,
Радущья полон, сам ему служил.

И, отдыху предавшись до весны,
Царь Искандар забыл дела войны.

Златую чашу, кравчий, мне налей!
Вино в ней блещет яхонта светлей.

Владеет мной индийская страна,
И чаша мне индийская нужна.

Певец, веда напев в ночной тиши,
Наполни звуки пламенем души.

Расцвел рожденный в Индии цветок,
И стал печален дней моих поток.

О Навои, к далеким берегам
Увел тебя крылатый твой калам.

Так пусть индиец, слыша песню ту,
Своей судьбы избудет черноту!

О достоинствах великодушия, благодаря которому щедрые и мужественные дуновением благоволения вытаскивают соломинки греха виновных из моря сердца на берег спасенья, и лица их не хмурятся, как волны моря, и блуждающих в темноте смятения они выводят из долины гибели, освещая путь свечой благородства

Рассказ о купце, который разорился, расставшись со своим сыном. И лицо его обагрилось кровью его сердца. На оставшиеся в кармане деньги он выкупил приговоренного к казни, и спасенный оказался его сыном. Он вновь обрел и сына и богатство

Искандар, словно солнце, вышедшее из мрака ночи и вошедшее в полуденное сияние дня, выступил из Хинда и вступил в страну Чин; хахан Чина, услышав о приближении с быстротой солнца завоевателя мира, собрал, для выступления против него бесчисленное, как песок, войско и послал для переговоров с ним посла; получив неудовлетворительный ответ, поднял воинов, по числу подобных песку, и сам не оставил предпринятого дела без своего ничтожного внимания

Как луна-путешественница приближается к солнцу, так хахан приезжает к Искандару под видом посла, и поскольку это приближение привело к согласию, он, подобно луне, наполняется светом и блаженством

Восхваление правдивости и прямоты, которые являются лучшими образцами кипарисоподобных красавиц в плодовом саду мира; и восхваление искреннего слова, являющегося избраннейшим среди чистых веяний утра в царстве ночи и о следах достойной награды стремлений, которые, подобно солнцу, украшающему мир, постепенным движением озаряют всю Землю, и о полезностях правдивых речей, которые малым словом приносят много доброго жителям мира

Рассказ о том, как Ардашир [\[152\]](#) был не в силах отразить врага мечом и разрешил это трудное дело разумными действиями и мечом языка

Великий Ардашир — Сасана сын —
Был храбрый воин, мудрый властелин.

Когда от Ардавана он бежал,
С огромным войском тот его догнал.

И понял Ардашир, что этот бой
Неравным будет, как борьба с судьбой...

Но ревность к делу царства ни на пядь
Ему не позволяла отступать.

И в тот день Ардашир начал битву

и в мыслях Ардашир искал пути,
Как от разгрома верного уйти.

Мир предлагать — ходил к врагам посол,
Но Ардаван на это не пошел.

У Ардашира некий муж служил,
А это вражий соглядатай был.

Был Ардашир о том оповещен,
Но соглядатая не трогал он.

Был Ардаван на расстоянье дня
Он Ардашира окружал, тесня.

Но Ардашир был истинно велик, —
Такой в нем дивный замысел возник:

Он всех созвал соратников своих;
Был и разведчик вражий среди них.

И Ардашир сказал им: «Враг силен,
Но он сегодня будет истреблен.

Нам силы вечного благоволят.
Я бесконечной радостью объят.

Теперь внимайте слову моему,
Его не разглашайте никому!»

Все поклялись молчанье хранить,
И радостно он начал говорить:

«У Ардавана есть богатыри —
Опора войска. Их десятка три;

По именам известный нам народ,
Решающий сражения исход.

Но их, по скупости, обидел шах;
И гнев и недовольство в их сердцах.

Мне тайное письмо принесено
От этих пахлаванов. Вот оно:

«Когда назавтра, с утренней зарей
Пойдут войска в долине строй на строй,

Мы шаха Ардавана окружим
И учиним возмездие над ним.

Главу его мы принесем тебе
И все на службу перейдем к тебе».

Вот что измыслить Ардашир сумел!
Дух воинов окреп и осмелел.

А соглядатай, что в совете был,
Все Ардавану тут же сообщил.

Внял вести Ардаван — надменный шах,

И овладел им беспредельный страх»

Так этим страхом сокрушился он,
Что выйти в битву не решился он.

Хоть сила больше у него была,
Он принял мир, дабы избежать зла.

И Ардашир, благодаря уму,
Открыл дорогу счастью своему.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает у Арасту, какова причина того, что здравый ум принимает верные решения, но иногда все же впадает в ошибку — и выслушивает его ответ

Хакан, учредив пиршество для Искандара, просит его пожаловать в Чин; в восхваление того царского пиршества и гостеприимства; перо, описывающее редкостные явления, рассыпает жемчужины; в описании порядка преподнесения подарков и редкостных вещей совершенная натура рассыпает драгоценности; в подсчете приношений исписываются страницы девяти небес; в истолковании радующих сердце пиршеств глаза мудрости отвергают чудеса восьми райских садов

О благородных людях, подобных кипарисам в саду гостеприимства, которые, крепко повязав пояс услужения, с открытым, как роза, лицом, всегда держат разостланной скатерть щедрости; и их гости, пусть они будут попугаи или соловьи, в соответствии со своим желанием находят уладу на этой скатерти; и они свободны от принуждения и излишнего поглощения пищи

Рассказ о Бахрам-Гуре, который был гостем у трех обладателей домов; двое из-за крайности и чрезмерности были отвергнуты и порицаемы, а третий по справедливости признан богачом Короном

Мудрецы изготовляют для Искандара астрлябию и зеркало для постижения тайн Неба и Земли

Художник, что Мани подобен был,
Картину на шелку изобразил:

Когда хакан Румийцу другом стал,
Чин пребываньем Искандар избрал.

Зима в ту пору на землю пришла,
Все перевалы снегом занесла.

Хакан же беспредельно сам желал,
Чтоб Искандар у них зазимовал.

Чтоб с ним, покамест не придет весна,
Дни коротать за чашею вина.

Он Искандару просьбу изъявил,
И тот хакана поблагодарил.

В согласии с душевной прямою,
Зимовки местом он избрал Ал-Хтой.

Как солнце дня и месяц, на пиру
Они беседовали ввечеру.

А поутру, охотой увлечен,
В горах, в лесах ловил оленей он.

И, возвращаясь в город отдыхать,
При звуках флейт он пировал опять.

Но чаще средь ученых пребывал,
В речах их тайну знания впивал.

Загадкой был зеркальный талисман,
Который подарил ему хакан.

Бывало, иногда — к нему на суд
За правдой двое с тяжбою придут.

Он зеркало пред ними открывал
И сразу ложь и правду узнавал.

Но ни один из мудрецов его
Не понял тайны зеркала того.

Тот талисман зеркальный на пирах
Перед гостями ставил славный шах.

И каждый, кто в застолье опьянел,
Трезвел, когда в то зеркало глядел.

Тем чудо-зеркалом был изумлен
И очарован властелин времен.

Его недоумение росло
И в дали размышления вело.

«Вот зеркало! — он думал, — ведь оно
Руками смертного сотворено.

Но одаряет разумом людей
Небесный царь по милости своей.

И волею небес в конце концов
Мне служат сотни славных мудрецов.

Даны миры живого знания им,
Открыта книга мироздания им.

А зеркало, подобное Луне,
Рождает мысль отважную во мне:

Ведь если б мудрецы моей земли
Всю мощь пытливой мысли напрягли,

То мы, загадки этой сняв печать,
Сильнее талисман могли б создать!»

И тайно мудрецов он пригласил
И свой великий замысел открыл.

И отвечали знания мужи:
«О царь вселенной! Слово нам скажи,

Все, даже невозможное для нас,
Мы совершим, исполним твой приказ!

Разгадку талисмана мы найдем
И чудо Чина делом превзойдем».

Тут разделились на две стороны,
Посоветавшись, мудрецы страны:

Налево стали Афлатун, Сократ,
Направо Арасту и Гиппократ.

И были средь ученых тех людей
Хурмус, Аршамидус и Птолемей.

Направо стали двести мудрецов,
Налево стали двести мудрецов.

И так они по двести разошлись
И неким тайным делом занялись.

И правильное наконец нашли
Изображение Неба и Земли.

Один чертил круги земных широт,
Другой же изучал небесный свод.

Измеривши длину земной дуги
И рассчитавши звездные круги,

Они, познав вселенной естество,
Явили мощь искусства своего.

Металлы в тигле сплавив, — ты взгляни,
Два талисмана сделали они.

Был первый — астрольбия, другой
Изображал собою шар земной.

Был первый — бронзовый и золотой,
Из чистой светлой стали был другой.

Тот шар стальной, что мир изображал,
Зеркальною поверхностью блистал.

Два дивных талисмана наконец
Доставили в фарфоровый дворец.

Являлось людям в первом из шаров,
Движение сфер небесных и кругов.

Все отражалось в зеркале стальном,
Что в мире совершается земном.

В одном — небес являлась глубина,
В другом же — вся земля была видна.

В одном зенит был виден и надир,
В другом — весь нижний необъятный мир.

Когда же солнце, блеща, как стекло,
На башню равноденствия взошло,

Горя, как золотой зеркальный шар,
Что создал величавый Искандар,

Царь мира сел на троне золотом,
Как солнце в равновесии своем.

И с ним хахан. И множество царей
Внизу сидело — сонмище гостей.

Весна настала, обновлялся мир.
И в честь весны пошел великий пир.

И подошли к престолу мудрецы,
Двух талисманов славные творцы.

Как высший разум, души их ясны.
От брэнного они отрешены.

Царь встал пред ними, оказал им честь,
На возвышенье пригласил их сесть.

Когда они уселись на коврах,
Вдруг охватил гостей невольный страх.

В чертоге, где лился поток вина,
Глубокая настала тишина.

И вот мужи мудрейшие земли
Две сферы, ими созданных, внесли.

И людям показали чудеса —
Весь необъятный мир и небеса.

Стал виден весь небесный свод в одном,
В другом — долина праха целиком.

И девять сфер надмирной вышины,
И семь иклимов стали всем видны.

В безмолвии хахан на них глядел,
Скажи, — от изумленья онемел.

Потом великою воздал хвалой,
Склонясь перед Румийцем головой:

«Таких, как ты, не создавал творец!
Что без тебя престол? Зачем венец?

И старцы, что соседствуют тебе,
В величье соответствуют тебе!

Да будет вечно слава их жива,
Коль их святая сущность такова!»

Я описать не в силах щедрый дар,
Которым наградил их Искандар.

Тем мудрецам сокровищ Океан
Он подарил и дал в удел Юнан.

Хахан великий духа и плоти был

Лакан великий тоже щедрым был,
Он столько жемчуга им подарил,

Что солнцем заблистали, — ты скажи, —
Все эти — солнцам равные — мужи.

И радостью расцвел духовный свет
Царя, познавшего пути планет.^[153]

Знатоки светили великий был Сократ;
Пути светили в ночи следил Сократ.

Он все, что звездный небосвод сулил,
По астрологии определил:

Когда светило дня на синий свод
Под знаком равноденствия взойдет,

То шах, расставшись с чашею друзей,
С невестой сочетается своей.

С прекрасною царевной Роушанак,
Что блеском превращала свет во мрак.^[154]

О ней Дара пред смертью завещал,
Чтоб Искандар ее женой назвал.

Но в войнах год за годом проходил,
И властелин времен о ней забыл.

И дочь была Маллу, Наз-Михр краса,
Какой досель не помнят небеса.

Среди тревог походных и о ней
Не вспоминал великий царь царей.

Но, вспомнив, пир велел он учредить,
Дабы весь мир в веселье утопить.

Когда осветит ярко Роушанак
Его опочивальни полумрак,

То и с Наз-Михр прекрасной он в тиши
Найдет покой и счастье для души.

Когда решение утвердилось в нем,
Призвал он многоопытных умом.

И что помыслил, все поведал им —
Учителям, наставникам своим.

Сказал: «Кто может миром овладеть,
Тот должен и наследника иметь.

Проходит Солнце в небе голубом
В раздумьях о наследнике своем.

И, уходя в морскую глубину,
Совет своим наместником Луну.

И пусть не давлен Солнцу свет Луны.

При ней ночные мраки не темны.

Коль дерево падает, прожив свой век,
Оно оставит молодой побег,

Который пышным древом возрастет
И пользу принесет, и тень, и плод!»

Когда с ним согласились мудрецы,
Велел он: «Кличьте клич во все концы,

Трубите сбор, чтоб все на пир пришли,
Чтоб это праздник был для всей Земли!»

И за семь дней весь исполинский край,
Весь Чин украсился, как светлый рай.

Так весь украшен был подлунный свет,
Что, если бы рассказывать сто лет,

До сотой доли мы бы не дошли,
О тысячной сказать бы не смогли.

И не было на славном том пиру
Учета золоту и серебру.

И пир настал великий наконец,
Пора отрад и радости сердец.

Была весна, гремел в тени ветвей
Над розою-невестой соловей.

В те дни весны на улице любой
Шумел не умолкая брачный той.

* * *

Налей мне, кравчий, чашу до краев
В день радости веселья и цветов!

В день равноденствия заварим пир,
Чтоб ликовал и радовался мир.

Певец, на лад весенний чанг настрой
И пой мне песню, возглашая: «Хой!»

Коль скажешь: «Брат мой! О мой друг! Яр! Яр!»
Отвечу: «Дух мой полон мук! Яр! Яр!»

Коль в дальнем Чине жить мне предстоит,
Пусть чанг твой песней Чина зазвенит.

Пой мне: «Яр! Яр!» А я под песнь твою
В глухом изгнанье молча слезы лью.

О приятности весны юности и радостях сердечных в пору юности весны; прославление ее, подобное песне соловья, в тысяче мелодий восхваляющего столепестковую розу. Дети цветника насыщаются грудью кормилиц-облаков и обретают зелень одухотворенности

Прекрасный мира сад меня влечет.
Прекрасен утра юности восход.

Дни юности, как воды с крутизны,
Свергаются, но радости полны.

Весною к голубым лугам Овна
Идут пастись и солнце и луна.

И обрастают молодой листвою
Нагие ветви с новою весной.

Гремящие громады облаков
Идут, как стадо боевых слонов.

То, низвергая брызги вдалеке,
Смотри, — слоны купаются в реке!

И капли падают из темных туч,
Как с каменных боков слоновых круч.

Не капли — струи, бурная река!
Весенние несутся облака,

Не капли рассыпая — жемчуга
На синие моря и на луга.

Трава открыла глубь подземных жил,
И красный свой фиал тюльпан раскрыл.

Но в чашечке тюльпана чернота,
Дурная у него в крови черта.

Отгонный луг, цветением объят,
Перепоясал шелком свой халат.

Такие расцвели цветы в саду,
Что равных им я в Чине не найду,

Вкруг кипариса, красно-золотой,
Как волос, вьется дягиль молодой.

И дягиля высокие цветы,
Как амбровые кудри, завиты.

Фиалка к говорливому ручью
Склонила томно голову свою;

Она хмельна, хоть из ручья пила,
Недаром свой подол подобрала.

И у нарцисса день за днем пиры,
А пьет он из лимонной кожур.

И, набекрень колпак напялив свой
Он в полудреме никнет головой.

Цвет лилии белеет невдали,
Иль то Меджнун тоскует о Лейли?

Или лютый от мира он влюб

или душой от мира он ушел
И радость в отрешенности обрел?

Пылает роза, пламени красней;
Над ней, как саламандра, соловей.

Но роза не гнездо его сожгла,
А само существо его сожгла.

Несется по полям гонец ветров,
Стеля шелка стоцветные ковров.

Как фонари, тюльпаны зажжены,
Но чернью их сердца заклеяены...

И ветерок, когда о том узнал,
Их лепестки по степи разметал.

А роза белая, полна красы,
Отяжелела в серебре росы.

И на рассвете инеем блестит
Роса, что цвет весенний тяготит.

В ту пору расцветает аргаван,
Весь в пурпуре — блистает аргаван.

И восхищает он сердца людей
Багряною одеждою своей.

Из тучи капли падают, блестя,
Круги на влаге циркулем чертя.

Нет, ты взгляни, без циркуля они
Круги и кольца чертят, как Мани.

Блистая станом дивной красоты,
Подвесил тополь серьгами цветы.

И, как эдем, цветет весенний луг,
Где кипарисы стали в полукруг.

И дождиком на рощи и луга
Апрель свои рассыпал жемчуга.

Несутся грозовые облака,
Раскатывая гром издалека.

И львиным ревом содрогают степь,
И грозных молний разрывают цепь.

Весенний дождь сравни с живой водой,
А струи с жизнью — вечно молодой.

Идут — за водоносом водонос —
Над степью тучи в полыханье гроз.

И воплощается душа травы
В ростки, цветы и яркий блеск листвы.

А в том, кого не радует весна,

Жизнь не жива, душа омрачена.

В том человеческого сердца нет,
Кого весны не опьянит расцвет.

Вот распустилась роза, и над ней
Поет, гремит, стенает соловей.

Но тот под сени сада не придет,
Кто встречи с другом избранным не ждет.

А мы за Искандаром в сад сойдем,
Осыпанный сверкающим дождем.

РАССКАЗ О СОЛОВЬЕ

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту, почему естество человека как бы возрождается в пору цветения весенних роз; и ответ Арасту, подобный дыханию ветерка из сада мудрости

Искандар, покидая страну Чин, направляется в земли Магриба

И вновь он мудрости броню надел
И на престоле разума воссел.

Он знал, что не владыка мира он,
Пока Магриб ему не подчинен.

Награду дал он воинам сперва,
О том до наших дней звучит молва.

Потом, когда войска он наградил,
Приказ о выступлении объявил.

А коль по нраву вождь своим войскам,
Он нанесет урон любым врагам.

И если царь народ свой не гнетет,
То за него народ стеной пойдет.

Храни аллах! Любой погибнет шах,
Коль недовольство у него в войсках.

Нет, щедрость людям царская нужна,
А строгость — там, где правильна она.

А Искандар — он царь счастливый был
И полководец справедливый был.

Полкам в поход велел собираться он.
С владыкой Чина стал прощаться он.

И, кроме Чина, западный Ал-Хтой.
Вручив, сказал: «Прими подарок мой!»

И вот из Чина вывел он войска...
Скажи, — на запад хлынула река.

Сопутствовать ему хакан решил,
Но Искандар его отговорил

И, тайны многие открыв ему,
Вернул хакана к дому своему.

Шел к югу... Чудо сущего всего —
Направо Хинд остался от него.

Ждал раджа Хинда на его пути
С войсками, чтобы с ним в поход идти.

Но раджу он обратно отослал
И вдаль к Магрибу скакуна погнал.

И войск поток, блестя булатом лат,
Прошел без боя землю Худжарат.

Вот наконец войска пришли в Оман,
Увидели Индийский океан.

В Омане все владельцы кораблей
С готовностью пришли к царю царей.

И он под парусами тех судов
Ходил к пределам дальних островов.

Порой, на быстроходном корабле,
Он приплывал к неведомой земле.

И много городов завоевал,
И много новых, славных, основал.

На кораблях он море переплыл
И диких гор хребты перевалил,

Безмерностью пространства изумлен,
Шел с войском по степям безлюдным он.

Здесь это описать мы не смогли б,
Как Искандар завоевал Магриб.

И там, всегда добро творить готов, —
Он много взял прекрасных городов.

Магриб ведь величайшей был страной
Средь всех, что украшают мир земной.

Магрибский царь пощады стал просить,
Любую дань пообещал платить.

Шах Искандар объехал склоны гор,
Холмы, долины и степной простор.

И где бы он ни разбивал шатер
И чем бы он ни утешал свой взор,

Все продолжал в пути он тосковать
О родине, о Руме вспоминать...

И было много в той стране чудес, —
Там подымались горы до небес,

А за горами — тайна. Полон дум,
Откладывал он возвращенье в Рум.

И вот с отрядом всадников он сам
Пошел через пустыню к тем горам.

Селенья некоего он достиг,
Деревья там росли, журчал родник.

А дальше к югу земли шли — ничьи,
Огромные там жили муравьи;

Вернее — псы в обличье муравьев,
Чудовища, страшней пустынных львов.

На всех, кто в их владенья попадал,
Рой муравьев внезапно нападал

И разрывал, со всех сторон тесня,
Мгновенно человека и коня,

Да так, что от несчастного того,
Скажи, не оставалось ничего.

Царь молвил: «Тайну этой стороны
Разведать осторожно мы должны!»

И о повадках муравьев-зверей
Расспрашивал у тамошних людей.

Сказали: «Рыскают они кругом,
И в постоянном страхе мы живем.

Знай: истребят в степи войска твои
Чудовищные эти муравьи.

Коль невредим сквозь муравьев пройдешь,
Страну, как сад Ирема, там найдешь.

Но великаны страшные стоят
На страже у дороги в этот сад.

И это — ужас! Весь их род заклят,
Сокровища Земли они хранят.

По виду — люди; но из них любой
Не с человеком схож, а со скалой.

Сто воинов не справятся с одним...
А муравьи степные служат им.

Их речь слышна порою вдалеке
На непонятном людям языке.

Коль этот путь пройдешь, храним судьбой,
Откроется долина пред тобой,

Но вход в долину заградит отвес
Двух гор, царапающих свод небес.

И золотая вся — одна гора,
Другая — целиком из серебра.

Та, — золотая — солнцем взгляд слепит,
Серебряная — месяцем блестит.

Они бесценней всех богатств земных.
А великаны охраняют их.

Тем великанам-сторожам дана
Необычайная потребность сна.

Они свой срок на страже отстоят,
А как уснут, то десять суток спят.

И к службе возвращаются своей,
Как только выспятся за десять дней.

И десять суток бодрствуют опять,
Покамест не настанет время — спать.

Лишь в пору их очередного сна
Их сила может быть истреблена.

Но муравьи огромные хранят
Их сон, покуда великаны спят.

Чудовищные эти муравьи
Ни часа не бывают в забытии».

Шах Искандар был этим удивлен,
И свет ума призвал на помощь он.

Сказал, созвавши мудрых на совет:
«Как быть — решайте! Нам возврата нет».

Молчал совет. Но были все сердца
Потрясены величием творца.

И понял разум, как пред божеством
Ничтожен он в неведение своем.

Круг мудрецов, безмолвствуя, сидел;
Язык их в изумленье онемел.

***

Дай чашу, кравчий, из ключа души,
Несовершенный разум оглуши!

Меня ума величье не спасло,
Мне изумленье душу потрясло!

Певец! На лад Магриба песню спой,
В Магрибе я шатер поставил свой.

Я золото Магриба, словно прах,
На темя сыплю здесь — в иных песках.

О Навои, о родине своей
Не вспоминай, не сетуй, не жалея.

Восток в себе и Запад совмести,
Весь мир сумей в самом себе найти!

О людях, которые, взирая на миротворение глазами, озаренными светом знания, воздают хвалу зиждителю

Искандар приводит в порядок свои войска для охоты на сонмище муравьеподобных, и то стадо дивоподобных, обезумев, появляется и выстраивается напротив его войска, и из них один — разрушитель рядов — выступает впереди войска и побеждает богатырей Искандара; чинская газель, как львица, выходит на майдан и охотится за драконом. Искандар избирает ее газелью своего гарема; а пленника пленяет еще раз своей милостью, и тот вместе с побежденными им возвращается к царственному собранию

Описание тьмы ночи разлуки; дым ада несчастья по сравнению с ним — гиацинт рая радости; о трудности положения тех, чья жизнь омрачена ночью разлуки и чьи глаза не освещаются рассветом свидания

Тот счастлив, — будь в разлуке он сто лет, —
Пред кем желанной встречи вспыхнул свет.

Пусть перенес он муки ста смертей,
Но встретился с возлюбленной своей,

В той встрече — искупленье мук его,
В той встрече — вечной жизни торжество.

Пусть утром, после пира, муж любой
Порою тяготится сам собой,

Но если чашу выпьет ввечеру,
Забудет все на новом том пиру.

Разлука с другом так трудна для нас,
Что смерть любая легче во сто раз!

А миг слиянья с милой — этот миг,
Как счастье бесконечное, велик.

Но если дни разлуки тьмы темней,
То безнадежна тьма ее ночей.

О ночь разлуки! С этой грозной тьмой
Сравним лишь ужас гибели самой!

Томление разлуки — черный день,
Чья безнадежна тягостная тень.

Не будь разлуки, не было б средь нас
Роняющих, как слезы, кровь из глаз.

Там — за морем разлуки — грозный суд
Провидит он, где слезы не спасут...

Не потому ль, что розы далеки,
Тюльпаны рвут свой пурпур на куски.

И небосвод когда б не тосковал

И несвед, когда не тосковал.
О солнце, туч кошму б не надевал.

И туча, разлученная с луной,
Рыдает над пустынею степной.

А перстень, что без Сулеймана он,
Хотя и талисманом наделен?

Что без души Фархада Бисутун?
Что степь, когда навек ушел Меджнун?

Гора в разлуке стоны издает,
Глухая степь ушедшего зовет.

Тоской о розе соловей спален,
Не потому ли цвета пепла он?

Он серым стал от горя, как зола:
Упала молния и сад сожгла.

Кто разлучен с любимой, только тот
И понял, как огонь разлуки жжет.

Ты у того, кто плачет, сна лишен,
Спроси — и все тебе откроет он.

Но скорбь скрывают тайную одну
Все, кто, как я, в разлуке и в плену.

Я плакать кровью сердца обречен
С тех пор, как с милой сердцу разлучен.

Пусть в этом истребляющем огне
Никто не мучится, подобно мне!

Лишь встреча может муки утишить,
Негаснущее пламя потушить.

Но стала бесконечной для меня
Разлуки нашей ночь. Дождусь ли дня?

Я так страданья книгу изучил,
Что все страданий виды различил:

С богатством разлученье — это знай —
Беда для тех, кто в бренном видит рай.

Отторженность от милых, от друзей —
Для сердца благородного больней.

Разлука с близкими, с семьей своей,
Еще ужасней, нет ее страшней.

Как пережить разлуку, коль в крови,
Коль в существе твоём — болезнь любви?

Не равны тягостью рода разлук,
Но всякая из них — источник мук.

Тягчайшая из них, когда пути

Не смог ты сердцем к Истине найти.

Все — кроме первого — рода разлук
Я испытал и стал горнилом мук.

Но человек, пускай всего лишен,
Коль сердцем тверд, не ослабевает он.

Пускай в душе предела мукам нет,
Тогда надежда свой подымет свет,

И мы к устам тот кубок поднесем,
Наполненный слияния вином.

Зови его напитком бытия.
Навек в нем возродится жизнь твоя.

О боже, новой жизни весть яви!
Надежду дай страдальцу Навои!

Когда, после завоевания Магриба, Искандар направлялся в Рум, народ страны Кирван пожаловался ему на притеснение яджуджей. И он, чтобы закрыть дорогу этому бедствию, строит стену; и строители, подобные ученым-геометрам, и каменщики, подобные звездочетам, шнуром наметили место стены. И литейщики, по мысли Утарида, и кузнецы, по знаку Сухейля, заливая гипс расплавленной бронзой, а известь блестящей сталью, возвели стену до небесного купола

Тот, кто события века записал,
Так мускусом по амбре начертал:

Когда правитель Рума, скажешь ты,
Дошел до крайней западной черты —

На западе увидел племя он,
Чьей злобой род людской был изнурен.

Хан из улуса к Искандару в плен
Попал — и милость получил взамен.

Он, покорясь румийскому ярму,
Привел все племя в подданство ему.

Им Искандар сказал: «Вы все со мной,
Чтоб верность доказать, пойдете в бой,

Чтоб муравьев огромных истребить,
Мир от опасности освободить!»

«О царь! — сказала войско дикарей, —
Опора мира и вселенной всей!

Коль этих муравьев мы перебьем,
Мы — великаны — сами пропадем:

Когда мы десять суток спим подряд,
В ту пору муравьи нас сторожат.

Мы десять суток бодрствуем; потом
Мы десять суток спим глубоким сном.

В ту пору к нам враги не подойдут —
Врага любого муравьи убьют!»

В ответ им шах ни слова не сказал,
Всем муравьям помилованье дал.

Сказал: «А где из золота гора?
И где еще гора из серебра?»

Тот исполин, себя ударив в грудь,
Сказал: «О них и думать позабуди!»

Нельзя пойти по этому пути,
А кто пошел — того нельзя спасти.

Отсюда, где стоим, от степи сей
До этих гор дорога — в десять дней.

Но мы их не видали никогда,
Хоть и недалний путь ведет туда.

На той дороге бедствий и вреда
Подстерегает путника беда.

Там воды смертоносные текут,
Деревья ядовитые растут.

Там, жаждой разрушенья обуян,
Свирепствует пустынный ураган.

Все на своем пути сжигает он,
Дракона в воздух подымает он.

Те, кто, минуя этот смерч, пройдут,
Без счета на дороге змей найдут.

Там кобры и очковые кишат,
И каждая хранит старинный клад.

А змей число, как старцы говорят,
Тьмы тысяч, а вернее — мириад.

И воздух напоен над степью всей
Дыханьем ядовитым этих змей.

И аспиды, чей убивает взгляд,
На том пути к сокровищам стоят.

Ты не ходи к пределам той земли,
Мы до нее и сами не дошли!»

Ответил Искандар ему: «Ты прав!
Рассказ твой необычный услышав,

Куда хотел пойти, я не пойду,
Войска в обитель бед не поведу.

Зачем нам золото и серебро,
Когда от них беда, а не добро?

Несовместимо с нашим естеством,
Идя за золотом и серебром,

Войска в пути беспечно истребить,
Богатство жизни вечной погубить!»

За золотом и серебром в поход
Он не пошел; освободил народ.

Суровых этих диких степняков
Он защитил от рабства и оков

И отпустил их, поручив судьбе.
Но нескольких оставил при себе.

Из-за ужасного обличья их
Поставил среди избранных своих.

Когда Магриб им завоеван был,
Он взгляд опять на север обратил.

И кручи снежных гор перевалил,
И голубое море переплыл.

Пока корабль его, как колыбель,
Качали волны, чинская газель,

Чья в бедствии рука его спасла,
Кудрей арканом в плен его взяла.

Взяла его в глубоких плен утех,
Для Искандара став желанней всех.

С утра была, как кравчий, на пиру.
Зухрой ему сияла ввечеру.

Вот близ Фаранга корабли царя
Пристали, опустили якоря.

Пред ним лежала хмурая страна,
Меж западом и севером она.

Там, где зима свирепая грозна,
Разрозненные жили племена.

И приступали к шаху: «В добрый час,
Бери свой меч и заступись за нас!

Там, где порядок свой построил ты,
Судьбу людей благоустроил ты.

А мы твоей защиты лишены, У
гнетены врагом, разорены!»

А царь: «Какие к вам враги пришли,
Рассыпали вас по лицу земли?»

Ответили: «Из неизвестных стран
Они идут через страну Кирван,

Где солнце от захода до утра
Скрывается, там высится гора.

К нам из-за той горы беда идет,
Оттуда — ужас, и оттуда — гнет.

Предел вселенной, той горы хребет
Дневного солнца заслоняет свет.

В горах — ущелье; по тому пути
Нельзя сквозь горы никому пройти,

Яджуджи злобные гнездятся там,
Подобные чудовищным зверям.

Оттуда вихри бедствий к нам летят.
Их нападение — сущий кыямат.

Видать, их породил аллах святой,
Разгневавшись на грешный род людской.

За чью вину мы — жертва мести их?
В словах не описать нечестья их!

Как дивов тьма, бесчисленны они,
Как бездны тьма, немыслимы они.

На их макушках волосы — копной,
Торчат их космы — в семь пядей длиной,

Ничем не одеваются они,
Ушами укрываются они.

Страшны их лица — желты и черны,
Их бороды, как ржавчина, красны.

У них глаза свирепых обезьян;
Их темный разум злобой обуян.

Даны еще, как печи, ноздри им, —
Они их чистят языком своим.

Они клыками, словно кабаны,
Изрыли землю нашей стороны.

Там, где яджудж, как злой кабан, пройдет,
Не то что злак, былинка не возрастет.

Самцы они иль самки, но подряд
У всех две груди длинные висят.

С тех пор, как существует этот свет,
Их сквернословию сравненья нет,

А круча той горы так высока,
Что у ее подножий — облака.

Весь тот хребет в седирах снежных глав
Зовется издревле горою Каф.

Она, подковой кругозор объяв,
Подобна начертанью буквы «каф».

Уроботы облачные разорван

Ареоты заоблачные разорвав,
Теснина есть в горах, как в букве «гаф».^[155]

И через узкий горный тот проход
К нам от яджуджей бедствие идет.

Из горных нор своих два раза в год
На мир яджуджи движутся в поход.

И все живое губят на пути,
Как нам спастись? Куда от них уйти?

И вот — покинули мы навсегда
Поля свои, сады и города.

Скитаемся мы по пескам степей,
Оторванные от своих корней.

Все города великой сей страны
В развалины врагом превращены.

А эти изверги зверей лютей,
Поверишь ли — они едят людей!

Овец, коров, коней — забрали все,
К себе угнали и пожрали все.

Здесь ни зерна нет в закромах пустых.
Все съели! Только смерть насытит их.

Вот все сказали мы тебе! Прости!
Народ наш можешь только ты спасти!»

Шах Искандар спросил: «Когда же тут
На вас яджуджи злобные идут?

Как вы догадываетесь о том,
Чтобы успеть уйти перед врагом?»

Ответили ему: «Два раза в год
Идет на нас народ свирепый тот.

Тогда, клубясь, как туча, пыль встает,
Зеркальный затмевая небосвод.

Пыль, омрачающая блеск небес,
Предозначает нам, что мир исчез».

И царь спросил: «Когда вы ждете их?»
Сказали: «По примеру лет былых

Жить нам в покое — месяц или два».
Запали в сердце шаха те слова.

И войску станом там он стать велел,
Стан войска валом окопать велел.

Но возроптали толпы бедняков,
Рассеянные сонмы степняков:

И молвили царю: «До коих пор

Терпеть нам это горе и позор?»

Нас от врага не можешь ты спасти...
И просим мы тебя от нас уйти!

В тот день, когда чудовища придут,
Твоих румийцев воинства падут.

Вы все погибнете! А нам тогда
В сто крат настанет худшая беда!»

Царь им ответил: «Не пугайтесь вы!
Но все же здесь не оставайтесь вы.

До нитки все забрав, что есть у вас,
Подальше откочуйте — в добрый час!

Спешите! Бог — свидетель, я не лгу, —
Надеюсь — помогу вам, как смогу!»

Ушли они... Но там остался сам
Шах Искандар, подобный небесам.

Сказал он, и к ущелью, словно львы,
Пришли мужи и выкопали рвы.

И клич он кликнул лучшим мастерам,
Прислали лучших Рум, Фаранг и Шам.

Постигших числа мира и расчет
Движенья, где река светил течет. [\[156\]](#)

Нет, не литейщиков, не кузнецов —
Он созвал мироздания творцов!

Чтоб мир стеною вечной защитить,
Навек дорогу бедствий преградить.

Медь, олово и сталь со всей земли
На тысячах верблюдов привезли.

Печей плавильных тысячи зажгли,
И реки огненные потекли.

А Искандар — при первом свете дня,
Встав раньше всех, садился на коня;

И объезжал подошву Кафских гор,
Стеной загородивших кругозор.

А там — скалу валили за скалой
И камень резали стальной пилой.

Но увидали, дел не завершив,
Что пыль встает, полнеба омрачив.

Яджуджи шли, — скажи, за дивом див!
Неудержим, как сель, был их порыв...

.....

Искандар, скрыв свое войско за неприступными рвами и устроив засады, дал отпор яджуджам, выждав срок, пока не истощится сила этого племени, и, оплакав погибших воинов, приступил к завершению своего замысла

Когда пожрал все, что пожрать успел,
Свирепый род яджуджей ослабел

И ринулся в ущелье наутек,
Как вспять внезапно хлынувший поток,

Бегущих Искандар велел рубить,
Чтоб навсегда их память истребить.

Так воля добрая и сильный ум
Заставили умолкнуть этот шум.

Вот приступили, знанием сильны,
Румийцы к возведению стены.

Меж двух отвесных исполинских гор
Могучий стали воздвигать затвор.

Определил строитель-звездочет
Счастливым час начала всех работ.

И начертили место на земле,
Где ставить стену — от скалы к скале.

Над чем-то колдовали мудрецы,
Все строго рассчитали мудрецы.

Вновь к небесам поднялся голубым
От тысячи печей плавильных дым.

Опору всей твердыни основав,
Не гипс — семи металлов лили сплав.

На сплав горячий клали глыбы плит,
Сперва их обтесав, как надлежит.

Во всей работе слушались они
Великого строителя Бани. [\[157\]](#)

Так плотно клали каменный оплот,
Что между плит и волос не пройдет.

Пятьсот локтей, вот ширина стены,
И тысяч за десять длина стены.

Десятки тысяч каменщиков там
Повиновались мудрым мастерам.

Полгода — ночи напролет и дни —
Без отдыха работали они.

И наконец твердыню возвели, —
Скажи, восьмое чудо всей земли.

А высота стены громадной всей,
Как говорят, была в пятьсот локтей.

На верх стены две лестницы вели,
Чтоб восходить дозорные могли.

Сторожевая башня на стене
Блестела синей сталью в вышине.

Укрытие для стражи было там,
Запас камней — метать их по врагам.

И печи, чтоб котлы разогревать,
Врага смолой кипящей обливать.

И были там дозор нести должны
Бессменно сотни стражей той страны.

Шах, видя завершение трудов,
Вознес хвалу строителю миров.

Он видел, как могуча и крепка
Стена, построенная на века...

Но вот померкли небеса в пыли,
Ордой к стене яджуджи подошли.

Но что поделать их клыки могли
С твердыней величайшею земли!

Тут Искандар сказал сторожевым:
«Бросайте камни на головы им!»

И тысячи проворных сторожей
Низвергли на чудовищ град камней,

Свинцом кипящим обливали их,
Горящей серой обжигали их.

Яджуджи, подымая страшный вой,
Вспять понеслись ревущею толпой.

Вот так, за все содеянное зло,
На них теперь возмездие сошло.

И вновь пришли и встретили отпор,
И перестали нападать с тех пор.

Так Искандар несчастных защитил,
И от яджуджей мир освободил,

И, как поток блистающей реки,
В обратный путь повел свои полки.

Овеян славой, полон морем дум,
В объятья матери вернулся, в Рум.

* * *

Дай, кравчий, мне отчаянья фиал!
Я по родной стране затосковал!

Так долго я блуждал в чужих краях,
Что — мнилось: мир земной распался в прах.

Певец! Я вновь теперь в краю родном...
Спой мне теперь забытый мной маком!

В слезах, внемля стенания твои,
Забуду я скитания свои!

Я — Навои — предела своего
Достиг, но нет мне пользы от того.

Ведь все, кого любил когда-то я,
Исчезли за пределом бытия!

Искандар, как солнце, овладев миром, ради открытия неведомых морей садится в корабль желания и подымает ветрила страсти; и, согласно совету ученых, на берегу Румийского моря собирает искуснейших судостроителей мира и приказывает строить корабли

И когда были спущены на воду три тысячи кораблей, из которых каждый был подобен юной луне, они устремились, как стрелы, выпущенные из натянутого лука, и Искандар на этих кораблях в письменах волн читает поэму завоевания Океана

Из моря этого жемчуголов,
Ныряя в бездну, вынес жемчуг слов.

Вернувшись из похода, Искандар
Родной стране принес полмира в дар.

Он отдых утомленным дал войскам
И новой силы набирался сам.

И розой счастье Рума расцвело,
Как солнце, что к зениту подошло.

И радовались люди всей земли,
Которые свободу обрели.

И ликовал не только весь народ,
Весь ликовал девятисферный свод.

Четвертый свод гордится оттого,
Что солнце ходит по кругам его.

Был Искандар в дому своем счастлив,
Из кубка мира жажду утолив.

И начал час за часом, день за днем
Он о походе вспоминать своим:

«Вот все пределы суши матерой
Я обошел, руководим судьбой.

И все, что удивительного есть,
Я видел. А земных чудес не счесть.

Я видел много на стезе своей
Растений необычных и зверей.

И все изведать было мне дано,

Что на земле под солнцем рождено.

Лишь Океана я не переплыл,
Завесы тайн его не приоткрыл.

Хоть много есть чудес на берегах,
Но больше есть чудес на островах.

Морская необъятна пелена,
Неизмерима моря глубина.

Огромный этот круглый шар земной
Со всех своих сторон покрыт водой.

А суша — часть десятая всего,
Не более, поверхности его.

Доныне плавать приходилось нам
Вдоль берегов — по внутренним морям.

Миротворенья непостижна суть,
Познания тайны бесконечен путь.

Десятой доли мира человек
Не может изучить за долгий век.

Не можем мы рукой до звезд достать,
Не можем их загадки разгадать.

Лишь части мира постигает ум,
Но целого не обнимает ум.

Вершится волей неизвестных сил
Движенье сфер небесных и светил.

Прошли мы по неведомым путям,
И мир подлунный покорился нам.

Нам знание и могущество дано,
Но наше дело не завершено.

Коль наложу запрет я и печать
На вечное стремленье все познать,

Я сам веленье духа обману,
В неведении жалком утону.

Моря земли я должен переплыть,
Неведомые страны посетить.

Прошел я с Хызром мудрым по земле,
С Ильясом поплыву на корабле».

Страсть эта Искандара обняла
И снова в путь неведомый звала.

Коль эта страсть исхода не найдет,
Она разрушит разума оплот.

Владела мысль одна его умом,
И стпах безумья появился в нем.

И странному помыслу в нем.

И он созвал ученых, мудрецов,
Чтоб рассказать им все в конце концов.

С достойными он долго говорил
И замысел свой тайный им открыл.

Поведал цель великую свою,
Что стала оправданием бытию.

И поняли ученые, что он
Душой к морям безвестным устремлен.

Один из них пытался возражать,
Но принужден был вскоре замолчать.

И средь ученых мира большинство
Одобрило желание его.

Так им повелевали долг и честь,
А спорить было неуместно здесь.

Сказали старцы, покорясь судьбе:
«Мысль эта свыше внушена тебе.

Пусть тот, кто держит мир и небосвод,
Даст силу нам свершить морской поход!»

Когда согласие старцев получил,
Румиец тут же к делу приступил.

Созвал он из приморских городов
Искусных корабельных мастеров.

И поручил им, для своих людей,
Три тысячи построить кораблей.

На тысяче он сам был должен плыть
И все, кто с ним в дороге должен быть.

Ученые на тысяче другой —
Помощники в правлении страной.

На восьмистах — отважные бойцы,
А на двухстах — бывалые купцы.

Все корабли надежны быть должны,
Как крепости, против любой волны.

Не корабли, а город поплывет,
Где человек все нужное найдет.

Дома и башни, словно на земле,
Подымутся на каждом корабле.

Еще построить триста кораблей,
Вмещающих по тысяче людей,

Так, чтобы всем просторно было им
С оружием, снаряженьем боевым.

А двести кораблей должны вести
Припас еды на много лет пути.

И был еще на сотне кораблей
Запас цепей, канатов, якорей.

И кони и верблюды на двухстах
Для высадки на дальних островах.

Как солнце, будут все суда блеснуть,
Одеты в пурпур, золото и медь.

Чуть Искандар успел отдать приказ,
Немедля стали выполнять приказ.

И много тысяч плотников пришло,
Орудья их — топор, бурав, тесло.

В лесах деревья стали вырубать,
Рекой к морскому берегу сплавлять.

Строители по берегам реки
Вставали шумным станом, как полки.

Везде по склонам этих берегов
Трудились над постройкою судов.

Пятнадцать тысяч столяров одних
И много тысяч мастеров иных.

Там с утренней и до ночной поры
Звенели пилы, пели топоры,

Гремели кузницы. Огонь печей
Плавильных полыхал во тьме ночей.

Три долгих года стук, и гул, и гром
Строительный не умолкал кругом.

И закачались на волнах зыбей
Три тысячи могучих кораблей.

И мореходов тысячи пришли
И поднялись на эти корабли.

Грузить взялись проворно в тот же час
Необходимый в плаванье припас.

И журавлиным клином встали в строй
Суда, приняв порядок боевой.

Со всем народом попрощался царь,
Прийти с победой обещался царь.

И с милой матерью своей простясь,
И от оков любви освободясь,

Сел на коня и поскакал в свой стан,
Где море делит Рум и Франгистан,

Вот Искандар на палубу шагнул,
Поводья дальних странствий натянул.

И, высоту светил определив,
Решил он — час отплытия счастлив.

И он с кормы высокой корабля
Сказал, пока не отошла земля:

«Прощайте! Честно вы служили мне,
В трудах моих, как братья, были мне!

Надолго с вами разлучаюсь я,
На вашу верность полагаюсь я.

Я должен плыть. Не волен я в себе,
И мы не в силах дать отпор судьбе.

Друзья, я счастьем вашим дорожу,
Запомните же то, что я скажу:

Во всем, что каждому из вас дано
И что заранее определено —

Разумный, твердый сохраняйте строй,
Не нарушайте распорядок мой.

Примите сердцем этот мой наказ,
И счастье ваше не уйдет от вас.

Вы пожеланья блага шлите нам,
Хоть этой службой послужите нам!»

Когда сказал все это славный шах,
Великий плач возник на берегах.

У провожавших слезы полились,
И возгласы стоусто раздались:

«В морях безвестных, где бы ты ни плыл,
Хотя бы антиподов победил,

Мы здесь в печали будем без тебя,
Не будет счастья людям без тебя!

Пусть, видя мир вселенской красоты,
Душой в пути возрадуешься ты!

Мы сохранить сумеем твой наказ,
Иных не будет помыслов у нас.

Пусть вечный промысел тебя хранит
Средь бурь морских, как нерушимый щит!»

Вот главный кормчий высоту светил
По астрологии определил.

В тот день входило солнце в знак Овна
И синева небес была ясна.

Хоть было небо зеркала светлей,
Шел бесконечный дождь из глаз людей.

Вот выбрали, усердием горя,
Окованные цепью якоря.

И киноварью лопастей своих
Блеснули весла — крылья птиц морских.

Вот кормчий в рог свой медный затрубил,
Строй кораблей в морской простор поплыл.

Покрылась пеной водяная гладь,
И волны в берег начали плескать.

То плыл огромный город по воде,
Какого не увидите нигде.

То двигалась дубовая река,
Все паруса раскрыв, как облака.

Так с воинством могучих кораблей
Стал Искандар владыкою морей.

На волнах пена, словно облака,
Пучина непомерно глубока.

Водоворотами возмущена,
Выбрасывала перлы глубина.

И открывала тайны бездн морских
В просторах неоглядно голубых.

А верный, если гость придет такой,
Не жемчугом пожертвует — душой.

* * *

Дай, кравчий, чашу — как морской залив!
Пусть на мгновенье буду я счастлив.

Дай мне отраду влажного огня, —
Как берег, сухи губы у меня.

Певец, настрой свой чанг, запой, играй,
Печаль души с мелодией смешай!

Чтоб слезы, словно жемчуг, я ронял,
Чтоб, как весенний облак, зарыдал.

О Навои, нет верности нигде
В сем мире, что построен на воде!

Не возлагай надежд на этот дом^[158] —
Мгновенный, схожий с водным пузырем.

Искандар спрашивает мудрецов о строении моря, и Сократ объясняет, как вода окружает сушу, и, выделив вокруг Океана семь морей, волнующихся, как семь голубых небес, рассказывает о двенадцати тысячах островов, помимо множества других; и описанием морей поражает слушателей

Искандар, захватив семь морей и двенадцать тысяч городов на островах, очертил, как циркулем, круг водных просторов и направился к центру Океана, и в этом походе его деревянные кони двигались на парусах, как на крыльях, под ветром, а равнина вод казалась небом, и на этой равнине он много трудов перенес; и на этом пути ты много найдешь примет — как капля дробит камень

О бесстыдстве виночерпиев на пиру жизни, наливающих в чашу жизни яд смерти, не видя разницы между невеждой и знающим; и о неверности работающих в саду жизни, которые, срезая живые ветви острием смерти, не отличают нищего от шаха; и призыв отряхнуть полы от пыли этого презренного мира и указание верного пути, дабы избежать водоворота гибели

О сердце бедное — не вечен мир!
Здесь верность в гости не придет на пир.

Мир — только глины ком; ты это знай —
И белизну одежд не замарай.

Сей в океане плавающий ком
Пучиной затопляется кругом;

Три четверти сокрыты под водой:
Зовется четверть сушею земной.

Одежды духа светлы, ясен взор
У рассекающих морской простор.

Но тонешь сердцем ты в грязи, в пыли —
В пределах обитаемой земли.

Не погружайся в эту пыль и грязь,
Прочь от соблазнов мира устремясь.

Кого трясина мира засосет,
Тот сам пути к спасенью не найдет.

Пустынный вихрь песок и пыль клубит,
Рот забивает и глаза слепит.

Так, сам Бахрам в трясине той увяз,
И свет его до дня Суда угас.

Пропал в пустыне мира Кей-Хосров,
И не нашли нигде его следов.

Где все они? Куда теперь ушли
Владыки величайшие земли?

Хоть мир несметно их обогатил,
Сам их потом ограбил и казнил.

А для того, кто может возразить,
За образцом недалеко ходить.

Ведь был недосыгаемо высок
Шах Искандар, мудрец, святой пророк.

Стремясь, он цели достигал любой
И ничий прощ упрек — с пустой душой

и, пищи, прочь ушел — с пустой рукой.

Весь мир он обошел и победил
И ничего с собой не захватил.

Когда он пыль до неба подымал,
Оружье враг бросал и убегал.

И не явилось в мире никого,
Кто повторил бы подвиги его.

От Каюмарса и до наших дней
Не перечсть прославленных царей.

Но что исполнить удалось ему,
Не выпало на долю никому.

Ему свою покорность принесли
Семь поясов сей четверти земли.

С семи майданов — пред его шатром
Пять барабанов грянули, как гром.

Тогда, в безвестность устремляя взор,
Как кит, он ринулся в морской простор.

И, семь вселенной обойдя кругов,
Открыл двенадцать тысяч островов.

Против яджуджей стену он воздвиг,
Что описать бессилен мой язык.

Построенная знаньем и умом,
Возникла астроябия при нем.

Философов великих ученик,
В познаниях вершины он достиг.

Нет, не мечом — а мудростью своей
Завоевал он преданность людей.

Он ведал все. Сокрытый ото всех,
Он видел путь и свет грядущих веков.

Он смог своим примером доказать,
Что только мудрый может управлять.

И он не только властью был силен,
А некой высшей силой наделен.

Кто был еще таким, как он? Никто!
Кто был так небом одарен? Никто!

И он повержен, предан был судьбой,
Подобно твари страждущей любой.

Давно ли был силен, могуч и бодр
Сегодня брошенный на смертный одр!

Вчера он был всех выше вознесен,
Сегодня на мученья обречен.

Когда забвенье вечное придет,
Он от скорбей телесных отдохнет.

Взгляни, как небом Искандар сражен —
Его одолевает смертный сон.

Он по степям и по холмам скакал
И ослабел, с коня на землю пал.

Провел в разлуке вереницу дней
С возлюбленными, с матерью своей.

Он в дальних странах, в плаванье морском
Душой о крае тосковал родном.

Горячей жаждой радости влеком,
Спешил он, торопился в отчий дом.

Он видел цель достигнутой почти.
Его настигла смерть в конце пути.

Он средь пустыни, преданный беде,
Лежал, как рыба на сковороде.

Где светлый дух, которым он храним?
Ни друга, ни наперсника над ним.

Болезнь его свалила, как палач,
В больной душе — беспомощность и плач.

Что ближних скорбь, что состраданье там,
Где не поможет никакой бальзам!

Делами мира разум потрясен,
Да видит в этом назиданье он.

Да умудрится этой притчей тот,
Кого влечет мирской водоворот.

Рассказ о том, как Лукман предпочел мирским благам развалины, подобные сокровищам; но и тысячу лет спустя он не избег настигшего его дракона небес

Оставя власть, богатства и дворец,
Ушел в руины жить Лукман-мудрец.

Жизнь средь развалин взял себе в удел,
Как бы сокровищами овладел.

Не защищен от града и дождя,
Он жил, в ином отраду находя.

Лукман тысячелетним старцем был.
И некий пришлый у него спросил:

«О мудрый, озаривший лик земли!
Зачем ты здесь — в ничтожестве, в пыли?»

Прославленный ученый, ты бы мог
Избрать жилищем царственный чертог.

Тебе ведь стоит только пожелать,
Чтоб всем богатством мира обладать!»

Лукман ему в ответ: «О человек,
Среди развалин этих — долгий век,

Пусть я подобен старому сычу,
Но здесь я злу противлюсь, как хочу.

Я смог от мира корни оторвать,
И мир с тех пор не смог меня связать.

Мир у меня, когда мой срок придет,
Одни руины эти отберет.

Их все равно с собой не взял бы я
В безвестный дальний путь небытия.

Чем легче бремя здесь несешь, о друг,
Тем легче в будущем избежешь мук».

В этой главе некий человек спрашивает Лукмана: «Где источник твоих великих знаний? Дай нам знать о нем». Ответ Лукмана: его определение поступков злых людей и правило — придерживаться обратного.

Спросили у Лукмана, говорят:
«О муж, всезнаньем напоивший взгляд!

Мы не отыщем в глубине веков
Таких, как ты, ученых мудрецов.

Кто был учитель твой? Не угаи —
Где почерпнул ты знания свои?»

Ответил: «Недоступен был мне круг
Философов, мыслителей, наук.

И я учился не у мудрецов,
А у невежд и низменных глупцов.

Глянь на невежду и дела его —
Все делается плохо у него.

Я поступал всегда наоборот,
Вот в чем моя твердыня и оплот.

Невежество людей ведет во тьму.
Тот знающ, кто противится ему.

И тот блажен, кто в срок оставить мог
Безумье мира, вихрь его тревог.

В самом себе богатство мудреца.
Он предпочтет руинам блеск дворца.

Богатый духом — истинно богат;
Залог благоустройства — харабат».

Искандар пишет письмо матери, сгибаясь, как тростинка, в смертных мучениях, дабы запретить плач по нем; а после этого судьба

сворачивает в свиток письмо его жизни и приближенные переносят تابوت с его останками в Искандарию. И когда то письмо дошло до его матери, она выходит к месту погребения и, словно баюкая маленького сына, чтобы он уснул в колыбели, она провожает его — погруженного в непробудный сон в колыбели могилы, и, как по шву разрывая грудь земли, она предает его земле

Историк, что все это описал,
Примерно так сказанье завершал:

Очнулся шах и понял, что — вот-вот —
Навеки солнце дней его зайдет,

Увидел смертный пред собой порог
И понял: жить осталось малый срок...

Так повелитель мира, говорят,
Как все — из чаши смерти выпил яд.

Он вспомнил мать, и дух воспрянул в нем,
Объятый удивительным огнем.

Открыв глаза, он на людей взглянул
И, через силу, глубоко вздохнул.

Велел писца с бумагою позвать,
Чтоб матери письмо продиктовать;

Чтоб лик бумаги чернотой покрыть
И дело завещанья завершить.

Чернила, белый лист дабир достал,
Тростник в персты молниеносный взял;

Дословно все в письме сумев сберечь,
Запечатлел он царственную речь,

Здесь — пересказ, подобие тому
Страданьем напоенному письму.

В начале восхваление того,
Чье безначально, вечно существо,

Кто, свет неисчерпаемый лия,
Жизнь вызывает из небытия.

Жемчужину души он в персть кладет
И то, что дал, в конце концов возьмет.

Он — кормщик плавающему в морях,
Он — спутник странствующему в степях.

Бедняк, униженный среди людей,
В его глазах превыше всех царей.

«Меня недуг, как божий гнев, настиг,
И я в песках, униженный, поник.

И этой силы мне не превозмочь,
И власть моя не может мне помочь.

Есть сокровенный смысл в судьбе любой;
Моей судьбы не понял разум мой.

Я, как последний дар из рук творца,
Приемлю чашу смертного конца!»

Вот так он восхваленье завершил
И к слову завещанья приступил:

«От сына твоего в тот час, как он
Стенает — войском смерти окружен.

Тебе, живой источник существа,
Душе моей, да будешь ты жива!

С тобой в разлуке долго пробыл я,
Печалил я тебя, о мать моя.

Владела мной бессмысленная страсть —
Навеки утвердить над миром власть.

Но мысль была незрелой в глубине,
Я чашу осушил — и яд на дне.

Хоть ныне разум прояснился мой,
Ошибки не исправлю роковой.

Я — сын дурной — с тобой бы должен жить,
По-рабски должен был тебе служить!

Что все величье царства моего
Пред пылью у порога твоего?

Но помешали счастью небеса...
Навек я смолкну через полчаса.

К последней воле преклонись моей:
Не плачь, не сокрушайся, не жалея!

Да не коснется скорбь твоей главы,
Не то — увы, мне бедному, увы!

Пускай я волю нарушал твою,
Ты эту просьбу выполни мою.

О мать, когда письмо мое прочтешь,
Ты все душой и разумом поймешь.

Пускай смятенье в мире не пойдет,
Когда меня могильный скроет свод.

Ты сделаешь, чтобы народ узнал,
Все то, что я о царстве завещал.

И знай, все это нужно было нам,
Что некогда предначертал калям.

От скорби корни сердца оторви,
Служи иной, возвышенной любви.

Да скорбь твоих ланит не очернит,
Да седина волос не убелит!

да не оденется могильной тьмой
Блестящий свод небесный над тобой!

Как солнце, разметавшее лучи,
Не рви волос! Не плачь, крепись, молчи,

Чтоб от твоих неосушимых слез
Сносить мне горше муку не пришлось!

Но, коль собой не сможешь овладеть,
Не в силах будешь мук своих терпеть —

Вели устроить пир. И пусть народ,
Пусть весь народ на пир к тебе придет.

Весть разошли, чтоб люди всей земли —
Великие и малые — пришли.

Пусть на твоих айванах чередой
Садятся все за убранной суфрой.

Пусть угощенья твоего обряд,
Как прежде, будет царственно богат.

Пускай глашатай им объявит весть:
«С весельем сердца ешьте то, что есть,

И радуйтесь, коль хоть один живет,
Кто в землю никогда не отойдет!»

И если кто-либо среди гостей
Преломит хлеб на скатерти твоей,

И если привлечет людей еда,
Печалься обо мне и плачь тогда.

Когда ж гостей твоих обширный круг
К готовой пище не поднимет рук,

То, значит, нет ни одного средь них,
Кто б не утратил близких, дорогих...

Вот он — всего живущего удел, —
Кто о своих утратах не скорбел?

Не надо мною слезы проливай,
Всем людям мира сердцем сострадай!

Поденщик ли, избранник ли судьбы:
Они пред волей высшею — рабы.

И воле той покорствовать должно.
Тот мудр, кому понять ее дано.

Покорна высшей воле, как раба,
Приемли все, что нам несет судьба.

Хорош я был иль плох, мой путь свершен,
Разящей жизнью я не пощажен.

Чего я здесь достиг с таким трудом?

Что пользы мне в раскаяньи моем?

Остаток дней на жизненном пути
Служенью воле бога посвети.

А что бы горе в сердце не росло,
Чтобы тебя, как солнце, не сожгло,

Будь в обществе наставников моих,
Внимай высоким поученьям их.

А вспоминая сына своего,
Молитвой тихой радуй дух его!»

«Все!» — начертал писец в углу листа,
Когда великий шах сомкнул уста.

Все завещал он в нем, что мог желать,
Свернув письмо, привесили печать.

И молвил шах с трудом: «Гонцов скорей
С письмом пошлите к матери моей.

Когда в груди дыхание замрет,
И для меня исчезнет небосвод,

И скроется, как солнце, жизнь моя
За черным облаком небытия —

Тогда мужайтесь и не рушьте мир,
Пусть без меня он не пребудет сир.

Мои останки положи в табут,
И днем и ночью пусть его несут.

Да будет бранный прах царя царей
В Искандарию принесен скорей.

Да будет непробудный сон мой тих
В прекраснейшем из городов моих.

Запомните еще такой приказ,
И это вам последний мой приказ:

Пускай в отверстие гробовой доски
Наружу будет кисть моей руки.

Дабы на будущие времена
Осталась поучением она:

Шах Искандар держал весь мир земной
Сей растопыренною пятерней.

Он этой дланью, — алчностью горя, —
Забрал все страны суши и моря.

Но барабан отхода прозвучал —
И мира он в руке не удержал.

Ушел от мира; и рука пуста,
..

Как пятерня чинарного листа.

Кто мудр, кому помощник — знанье, тот
В такую западню не попадет».

Смолк Искандар и глубоко вздохнул,
Закрыв глаза и навсегда уснул.

Он бренным миром краткий срок владел
И вечность во владенье захотел.

Унес он тайну вечную с собой,
Влеком девятисводной высотой.

Взметнулся смерч, дыханием паля...
И содрогнулись небо и земля.

И ледящий ветер налетел,
И лик земли от пыли потемнел.

Трон раскололся, молнией разбит.
В пыли корона царская лежит.

Взгляни на скорбь, на черноту ее —
Как исцарапала лицо свое!

Разорван книги редкой переплет,
Страницы вихрь в пустыне разнесет...

Хранители духовных тайн и сил,
Скажи, оделись в черноту чернил.

Мир был таким смятением объят,
Что наступил, казалось, кыямат.

Достигла войска весть. И плач, и стон,
И вопли раздались со всех сторон.

Казалось — день последний настает,
Казалось — наземь рухнул небосвод.

Раскалывалась высота небес,
А мир во тьме, в густой пыли исчез.

Гремя, качались небо и земля,
И разрушались небо и земля.

Беде, казалось, не было конца,
Но вот — все стихло, волею творца.

Склонились люди, плача и молясь,
Угрозы небосвода устрасясь.

И, поминая шаха своего,
Спешили волю выполнить его.

Хоть слезы молча по щекам лились,
Они проворно делом занялись,

Соорудили смертную постель —
Гроб, словно золотую колыбель.

Гроб на носилки водрузив, пошли,
В Искандарию тело понесли.

А раньше их гонец письмо примчал,
С письмом пред шахской матерью предстал.

Узнала мать, что суд небес свершен,
Что Заль навек с Рустамом разлучен.

Она без чувств, как бездыханный прах,
Упала; свет померк в ее глазах.

Очнувшись, больше не хотела жить,
Сама себя хотела истребить.

Она письмо сыновнее прочла,
Но утешенья в горе не нашла.

То был душе ее последний дар,
Что завещал исполнить Искандар.

Умом высоким овладела тьма,
Не достигал сознания смысл письма.

Не видя, где мучениям исход,
Скажи — сжигая вздохом небосвод,

Она так истомилась, говорят,
Что тайно приняла какой-то яд.

И хоть не сразу умерла она,
Но сердце ядом тем сожгла она.

Телесные мученья, может быть,
Ей горе помогли переносить.

Суставы, жилы истлевали в ней,
Сухие кости пеплом стали в ней.

И в эту пору к ней явились те,
Кто степь и горы видел в черноте.

Они несли носилки на плечах
И в золотом гробу сыновний прах.

Когда она все это поняла,
Могучей волей боль перевозмогла.

Надев убор и пояс завязав,
Навстречу вышла, посох в руку взяв.

Увидев жертву своего суда,
Главу склонило небо от стыда.

О, черный день! При виде этих слез,
Несокрушимый дрогнул бы утес.

Табут и гроб увидя издали,
Сдержать рыдания люди не могли.

О, вероломный свод! О, мир — палач!
Средь сонма ангелов поднялся плач.

Царица славных к гробу подошла
И говорить сквозь слезы начала:

«Добро пожаловать, мой дорогой!
Твоя служанка, жертва — пред тобой.

Наш бедный кров тебя не скрыл, не спас.
Любитель странствий, ты покинул нас.

Ты там теперь, где льется чистый свет,
Тебя отныне в темном мире нет.

Там — светлый сад эдема для тебя!
Смятенье мира немо для тебя.

И хоть постичь не может разум мой
Уход внезапный твой в предел иной,

Но если ныне радостно тебе,
То покориться мы должны судьбе.

А мне, увы, сносить превыше сил
Гонение бесчувственных светил.

Зачем сама я прежде не ушла,
Тебе устроить встречу не смогла?

Вот солнце путь закончило дневной,
Остался древний свод, объятый тьмой!

Могла ль поверить я, что ждет меня?
Не дождалась бы я такого дня.

Коль мне бы видеть сон такой пришлось,
То сердце бы мое разорвалось!

Сель налетел на этот ветхий дом
И все разрушил на пути своем...

Когда б я волю дать могла слезам,
Подобно всем несчастным матерям,

В рыданиях скорбь моя бы изошла,
И я свои бы волосы рвала,

Покрыла бы ланит своих шафран
Тюльпанами кровоточащих ран,

Вопя, разорвала бы ворот свой,
Вся черным бы покрылась с головой,

Как рев карная, мой немолчный крик,
Наполнив мир, зенита бы достиг!

Я над твоим бы ложем гробовым
Нашла конец страданиям своим.

От гнета неба, вслед тебе спеша,
Освободилась бы моя душа.

Вот — ты ушел в неведомую даль...
И мука мне, и вечная печаль,

Что не могу покинуть этот свет,
Что не могу нарушить твой запрет.

Пришло ко мне, тебя опередив,
Письмо твое, и в том письме ты жив.

Боль иступленную я утаю
И в мире волю выполню твою.

И что печаль моя, что слезы глаз,
Когда передо мною твой приказ.

Ведь это не хакан и не кайсар
А сам повелевает Искандар!

О, чистый перл жемчужницы моей!
Где ты, владыка суши и морей?»

Так говорила мать царя. И вот
В смятение впал толпившийся народ.

Как дети или женщины — скажи,
С царем прощаясь, плакали мужи.

И вот в могилу опустили прах,
Земному праху возвратили прах.

В глубокий склеп тяжелый гроб внесли,
И скрыли солнце в глубине земли.

Таков он — мира древний обиход:
В бездонный кладезь солнце дня уйдет.

Над темною могилой светлый храм
Воздвигли — подобающий царям.

Над храмом — купол, бирюзы синей.
Оплакивали шаха сорок дней,

И понемногу в людях наконец
Утихла, улеглась печаль сердец.

Чредою дни иные подошли,
С собой свои заботы принесли.

Терпимость к повелениям судьбы
Являют люди, времени рабы.

* * *

Саки! Печалью горькой грудь полна!
Наполни чашу горечью вина.

Пусть я источник чаши осушу,
Мой дом пустой рыданием оглашу.

Приди, певец, прижми к губам свой най,
Руину сердца песней наполняй.

И я с любовью сердца разлучен,
Разлукой неисходной омрачен.

Нет в мире верности, о Навои,
Хоть верность все сокровища твои!

Мирской бедой не будет сокрушен,
Кто чтит священной бедности закон!

Семь мудрецов приходят к матери Искандара; и каждый из них, кроме молитв и похвал, одевая мысль в шелковые одеяния слов, как бы излучает сияние мудрости и, кроме похвал и одобрений, рассыпает жемчужные украшения избранных речений; и, склонясь перед ними, как дряхлый мир перед семью небесами, она просит у них прощенья

Рыдающая в тишине дворца,
Терзающая избранных сердца,

Мать говорила: «Вечной темнотой
Вселенная покрылась предо мной!..»

Но, шахскому велению верна,
Все поспешила выполнить она.

Чтоб справедливый властвовал закон,
Что Искандаром был установлен.

И вот о подвиге ее трудов
Узнали семь великих мудрецов.

Пошли к ней — горе с нею разделить.
Советом поддержать и укрепить.

Над гробом сына, в прахе и пыли
Сидящую, они ее нашли.

К той, что звалась «короною мужей»,
Пришли жемчугоносных семь морей.

Узнав их, благосклонности полна,
Приблизиться велела им она.

Благословенных семь морей пришли,
Заставив двигаться круги земли.

Возвышенны в смирении своем,
Друг друга усадили чередом.

Сперва их круг безмолвие хранил.
И первым Афлатун заговорил:

«Познавшей этот мир и суть его,
Царице мудрой времени сего —

Ей ни советы наши не нужны
И ни слова, что мы теплеть должны

и ни слова, что мы терпеть должны.

По знанию, по мудрости своей
Она сама — наставница людей.

Но пользы мало от молитв одних.
Мы здесь — помощники в делах твоих.

Перл в море канул — в море пусть живет,
Пусть день померк — незыблем небосвод.

Зачем твердить, что наш удел — терпеть?
Сам Искандар нам повелел терпеть!

Исполнено с избытком все, что он
Нам заповедал — властелин времен.

И вот — светило будущих веков,
Могучий, словно сто отважных львов,

Он принял смерть! Согласием своим
Ответил смерти — и ничем иным.

Надеюсь — боль горчайшей из обид
Великий бог в грядущем возместит».

Смолк Афлатун. И встал мудрец Сократ,
Такую речь сказал мудрец Сократ:

«Владычица семи великих стран,
Ты — мудрости и знаний океан!

Не надрывай напрасно стоном грудь.
Будь твердой, ко всему готовой будь.

Что наставленья разума тому,
Кто яростно противится ему,

Кто с грозным, звездным куполом самим,
С веленьями судьбы непримирим?

Шипами терний занозив пяту,
Метнет он стрелы жалоб в высоту.

Холодным вихрем бури окружен,
Все проклиная, стоном стонет он.

Кто мудр — приемлет все, добро и зло,
Что по веленью вечного пришло.

Утешься, мать! Твой совершенен путь!
Храни светильник знания, верной будь!»

Когда Сократ уста свои закрыл,
Встал Балинос, молитву сотворил.

Как дуновение вдоха, Балинос
Без слов хвалу зиждителя вознес.

Сказал: «Тебе подобной не найти,
Хотя б весь мир подлунный обойти.

Как ночь, бегут невежество и тьма
Перед светилом твоего ума.

Тебя постигла тяжкая беда,
Великая утрата — навсегда.

И этой боли в мире не избыть
И, может быть, нельзя вознаградить,

Но разуму расследованья луч
Дал тот, кто милосерден и могуч.

И ты за неотложное возьмись,
А что не нужно делать — откажись».

Закончил слово Балинос. И вот
Встал седовласый и сказал Букрот:

«Ты гору скорби на плечи взяла,
И выстояла, и перенесла.

Велик аркан терпенья твоего,
Пусть каждый миг растет длина его!

Что движется — то движется не век,
Любая вещь теряет свой разбег.

В игре с човганом резво мяч бежит,
А пробежав свой путь, в траве лежит.

Пока кружится звездный небосвод,
Движенью и покою — свой черед.

И есть конец у каждого пути,
И вечного движенья не найти.

Таков закон для всех земных людей
И, может быть, удел вселенной всей.

Кого возлюбит светлый разум — тот
Суть этого увидит и поймет.

Хвала тому, кто землю сотворил
И разумом живущих одарил!»

Умолк Букрот. Хурмус великий встал,
И произнес молитву, и сказал:

«О сад, листву роняющий с ветвей,
Свеча, лишенная своих лучей!

Ты знаешь — если роза расцветет,
Ее однажды срежет садовод.

Свеча в собрание, сколько ни гори,
Светить ей лишь до утренней зари.

Таков итог всего. Был колос цел
И зерна растерял, когда созрел.

Не говори о пользе в мире бед!
Все здесь мгновенно, все ущерб и вред.

Тебе всевышний разуменье дал,
Тебе самой он наставленье дал.

И мне ль тебя, разумную, учить,
Всезнающей о знанье говорить!»

Умолк хранитель знания Хурмус.
Встал изощренный в слове Фарфурнус:

«О госпожа, дороже жемчугов
Жемчужины твоих премудрых слов!

Сегодня ты подобна глуби вод,
Где жемчуга ныряльщик не найдет.

Расстанется однажды дно морей
С последнею жемчужницей своей.

И где такая отмель, где родник,
Куда б искатель перлов не проник?

Закон миротворения пойми,
Закон творца в смирении прими.

Да будут все веления твои
Достойны восхваленья и любви!

Благодари за все, что ни пошлет
Источник вечный истинных щедрот!»

И встал и начал слово Арасту,
Не слово — сад в невянущем цвету.

Он говорил, но прерывался глас,
И только слезы падали из глаз:

«Прости мне! слез не лить я не могу!
Слов много... говорить я не могу!

Как словом я тебе поддержку дам,
Когда в поддержке я нуждаюсь сам?

Былой наставник сына твоего —
Чем я утешусь, если нет его?

Я шел к тебе — участием устремлен,
А сам безумьем горя омрачен.

Что делать мне? Немеет мой язык,
Смятенье в мыслях, в сердце... дух поник.

Бог госпоже в беде ее помог.
Какой пример душе! Какой урок!

Она — среди сгорающих сердец —
Духовного величья образец.

Хоть черной кровью грудь ее полна,
Народу улыбается она.

Судьбу не проклиняет, не корит,
Творца за доброту благодарит.

Не молвила кощунственных речей,
Их даже в мыслях не было у ней.

В удел ей, небо, благодать пошли,
Печаль души развей и просветли!»

Словам разумных госпожа вняла —
Тьма от ее сознания отошла.

Так напоен был пластырь их речей
Бальзамом утolenия скорбей,

Что боль сердечной раны улеглась
И разум вновь явил и мощь и власть.

Руиной горя ставшая — она
Речь начала, смущения полна.

Для тех семи алмазных рудников
Рассыпала сокровищницу слов:

«Из-за меня и сына моего
Печаль вам... это тягостней всего!

Поистине — его взрастили вы,
Его наставниками были вы.

Он вашим другом был, а не царем,
Советам вашим следуя во всем.

Вы — явное и тайное его!
Вы как два мира были для него.

И вот навек ушел ваш верный друг...
Теперь навек осиротел наш круг.

Пусть небо ваше горе облегчит,
Печаль потери тяжкой возместит!

Хоть мы опоры нашей лишены,
Сочувствием друг к другу мы полны.

Вот — я дала зарок себе — молчать
На срок, пока осталось мне дышать,

Но вы пришли мне горе облегчить.
Нельзя нам в общем горе розно быть.

Сочувствию друзей открыта дверь.
Спасибо вам! Все сказано теперь».

Решение с бережением нанизать на нить поэзии эти жемчуга повторений, и написать о доверии до конца, и поведать о перлах, таящихся в сердце светлого мыслями наставника Мейханы [\[159\]](#), и молвить о тайне приятия чистыми духом откровений великих поэтов; и о просьбе их помолиться за падших и немых [\[160\]](#) и молитва просвещенно

Рука, что путь указывала мне,
Ведет проверку этой пятерне.^[161]

«То не панджа, — сказал наставник мой, —
А твердый камень, монолит стальной!»^[162]

Я поднял пятерню, чтоб сильным стать,
Чтобы в пяти окрепли эти Пять.

Пусть будут мощны, будут велики,
Но эта мощь не от моей руки.

Мой пир, когда дастаны прочитал,^[163]
«Пятью сокровищами» их назвал.

Пять книг, чьи перлы светозарней дня,
Дала мне высшей силы пятерня.

Что значит слабая моя рука
Перед рукой, что, как судьба, крепка?

Как мог я, изнуренный и больной,
Соперничать с небесной пятерней?

Мне поединок сердце изнурил,
Персты мои лишил последних сил.

Но от борьбы не мог я прочь уйти,
Не мог оставить труд на полпути.

В тот час, когда надежду я терял,
Явился вестник счастья и сказал.^[164]

«Эй, слабый, тонущий в волнах нужды,
Не знающий, как выйти из беды!

Иди к порогу пира своего
И обратись к всезнанию его!

Пусть он — великой мудрости оплот —
К тебе с любовью сердца низойдет.

Ключи найдет для каждого замка
Его благословенная рука!»

Вняв тем словам, пошел я в тот же час
К великому, живущему средь нас.

Когда ступил я на его порог,
Казалось, в райский я попал чертог.

Где кровля — движущийся небосвод,
Где ангелы как стражи у ворот.

В заветном том покое, в тишине,
Сомнения рассеялись во мне.

И я — надежды полон — ощутил
В усталом сердце волны новых сил.

Хоть в дверь не мог я постучать рукой,
Но дверь сама открылась предо мной.

«Войди, просящий!» — тут я услышал,
Как будто слову откровенья внял.

И не отшельник в снежной седине,
А сам Рухуламин явился мне.^[165]

В его покое — свет и чистота,
В его речах и мыслях — высота.

Казалось, разум мира был вмещен
Под кровлей той, где обитает он.

Когда шагнул я за его порог,
Как бы попал в сияющий чертог;

И к старцу в белоснежных седилах
Поплыл пылинкой в солнечных лучах.

Сам от себя освобождался я,
Верней — освобождалась суть моя.

И долго мыслей я не мог собрать,
Зачем пришел — не мог я рассказать.

Невольно речи он меня лишил
И, как Иса, со мной заговорил.

Все, что я скрыл в сердечной глубине,
Как свиток, он прочел и молвил мне:

«Созрела мысль твоя! И надо сметь
Препраду немоты преодолеть!»

Как врач, заботящийся о больном,
В недуге разобрался он моем.

Все трудности мои он разрешил,
Распутал все узлы и так решил:

«Все, что тобой задумано давно,
Должно быть сказано и свершено!

Час, предназначенный тебе, настал,
И срок, что дан тебе, не миновал.

Но хоть тебе и трудно, это твой —
Пред богом и народом — долг святой.

И в том богатства духа ты найдешь,
Сокровища вселенной обретешь.

Мы всматривались долго в этот, мир,
Как дик он, и безграмотен, и сир.

Доныне в мире не было руки,
Чтобы писать на языке тюрки.^[166]

Не только тюрки, Персия прочтет
И славный труд твой чудом назовет.

Мы знаем, что не меньше двух недель
Потребно, чтоб сложить одну газель.

Ты мастеров тончайших назови,
Что пишут песни мерой маснави.

Им десять лет потребно, может быть,
Чтобы двести тысяч сложить!

В наш век поверхность белую листа
Сплошных писем покрыва чернота.

И в этой черноте, как в тьме ночной,
Заблудится читающий любой.

И в этом мраке нет живой воды,
Нет ни луны блестящей, ни звезды.

Ведь если небо мускусом покрыть,
Тьма эта может сердце омрачить.

Два было грозных льва в пустыне той,
Могучих два кита в пучине той.

Будь смелым львом, чтоб перейти черту,
Подобен стань могучему киту.

Сегодня в мыслях тонок только ты,
В словах могучих звонок только ты.

Прославленный на языке дари, [\[167\]](#)
Ты новые нам перлы подари.

Тебе присущи ясность, чистота,
Богатство речи, слога красота.

Великое внушил доверье нам,
Крылатый раздвоенный твой калам.

И столько он живой воды таит,
Что жажду всей вселенной утолит.

Свой замысел ты должен воплотить.
В тебя мы верим, — иначе не быть!

Иди и, как орел, пари всегда,
Стремись лишь к завершению труда.

Мы ждем! Спешь на подвиг — в добрый час,
Прими благословение от нас!»

Я вести жизни внял в его словах,
Душа вернулась в охладевший прах.

Мой пир дыхание жизни ощутил
В речах моих и жизнь мне возвратил.

И, новым вдохновеньем обуян,
Я ринулся в словесный океан.

Поцеловав наставника порог,
Вернулся я, светильник свой зажег.

Старательно калам свой заострил
И ста желаньям двери отворил.

И, завершив «Смятенье» наконец,
Им победил смятение сердец.

Когда я стал «Фархада» создавать,
Пришлось мне тоже скалы прорубать.

Когда «Меджнуна» свет в стихах померк,
То многих он в безумие поверг.

Когда «Семи» я покорил отвес,
Услышал похвалу семи небес.

К «Румийцу», словно огненный язык,
Повлекся я, и «Стену» я воздвиг.

Дастан мой люди лучшие земли
«Стеною Искандара» нарекли.

Пять в мире лучезарных лун взошло,
Пять стройных кипарисов возросло.

Пять пальм в небесных выросло садах, —
Дыхание мессии в их ветвях,

Всегда зеленых, шумно-молодых;
И гурии живут под сенью их.

С пяти сокровищниц я снял печать,
Их все успел подробно описать.

И в переплет надежный заключил
Листы, куда всю душу я вложил.

И сердцем потянулся вновь к нему,
К учителю и другу моему.

Он в поисках мой покровитель был,
Он в помыслах мой повелитель был.

Пошел к Джамии. Ведь он один умел
Открыть мне тайну завершения дел.

Но мучилась сомненьем мысль моя,
Что быстро это дело сделал я.

Ведь каждый живший до меня поэт
Потратил для «Хамсы» десятки лет.

Великий наш учитель Низами,
Как он писал! С него пример возьми!

Он семя слов живое насадил,
Твердь языка живого сотворил;

Нашел, уйдя от низменных людей,
К пяти сокровищницам пять ключей;

Пока над ним вращались небеса,
Поистине творил он чудеса!

Храним вниманьем шахов и царей,
Он отдал тридцать лет «Хамсе» своей.

И тюрк с индийским прозвищем — Хосров
Мир покорил гремящим войском слов.

Но крепость взяв, потратив много сил,
Он древнее сказанье сократил.

Он очень долго размышлял о том,
Как повесть новым повести путем.

Слышал, — не знаю, правда или нет, —
Что над «Хамсой» сидел он сорок лет.

Кто, как они, был с тем путем знаком?
Кого мы с ними равных назовем?

А я — судьбою связанный своей —
Чем озабочен? Судьбами людей.

Весь день — о нуждах царства разговор,
Разбор докучных жалоб, тяжб и ссор...

И негде для ушей затычки взять,
Чтоб ропота людского не слышать.

Но внял я сердцем новые слова,
Мир небывалый создал года в два.

Калам твой к завершению спешит,
К великому свершению спешит.

Пусть упрекать ученый нас начнет,
Века ему другой поставят счет.

Отвечу — полугодья не прошло
С тех пор, как солнце новое взошло.

Стихии воздвигали мой дастан!
Основа — тюркской речи океан...

Не буду слушать, что гласит молва,
Коль справедливы все мои слова!

Огрехи могут быть в любом стихе,
Не надо думать о таком грехе.

Рожденное душой — приму его
Живою сутью духа своего!

Путь и повествованью может быть

дита и некрасивым может быть,
Но мать не может им не дорожить.

Сычата гадки, но сычиха-мать
Не станет на павлинов их менять.

Хоть улетел пыльцы кенафа дым,
Он кипарисом кажется большим.

Как знать: по нраву ль каждый мой дастан
Придется мудрым людям многих стран?

Но важно, что о нем, — душа, пойми, —
Нам скажет пронизательный Джами.

Я трудной шел тропой творцов былых;
Надела маски смерть на лица их...

Они теперь в сияющем раю,
Но открывают душу нам свою.

Не знаю я, что скажут обо мне
Они — блистающие в вышине;

Я верил: все мне скажет светлый пир
И утвердит в горящем сердце мир.

Сомненья может разрешить один
Наставник мой — вершина всех вершин.

Так я пришел к великому опять,
Чье имя не посмею повторять;

Его порога прах поцеловал
И к милосердью вечного воззвал.

Чуть из сафьяна я достать успел
Тетрадь дастанов — сердцем ослабел.

Рассыпал рукопись к его ногам,
Подобную индийским жемчугам.

Я в Океан ветрила устремил,
И Океан объятья мне открыл. [\[168\]](#)

Он всю мою «Хамсу» перелистал,
За бейтом бейт с вниманьем прочитал.

И спрашивал меня; и, просяив,
Как солнце, ликовал — ответу вняв.

Не ждал я сотой доли от него
Глубокого признания того.

Мудрец, он в каждом слове был велик;
Он говорил, что цели я достиг.

И смысл глубинный мной рожденных слов
Открылся мне, как чашечки цветов.

Учитель пел, как вешняя гроза;

А я кивал, потупивши глаза.

И, труд мой одобряя горячо,
Он руку возложил мне на плечо.

Рукав одежд его был так широк,
Что осенил бы Запад и Восток,

Укрыл бы, словно свиток, небосвод...
И я — под этим рукавом щедрот

По-новому все начал понимать
И перестал себя воспринимать.

Сознание я терял... И, как во сне,
Виденье в этот миг явилось мне.

Средь цветников я очутился вдруг
В густом саду, что как бы плыл вокруг.

Тот сад был, как блистающий эдем,
Которому завидовал Ирем.

Я садом шел, благословляя судьбу,
Обозревая эту Каабу.

Вдруг вижу их. Они, средь сада став,
Беседовали, круг образовав.

Тут обратился к малости моей
Один из горделивых тех мужей.

Он был прекрасен, строен, средних лет,
В глазах горел провидения свет.

Меня тот муж, как величавый князь,
Приветствовал, почтительно склонясь:

«Подобные пророкам и святым
Зовут тебя к себе! Приблизься к ним!»

И я пошел посланному вослед,
Спросив: «Но кто они?» — и был ответ:

«Источниками счастья их зови!
Они — творцы бессмертных маснави.

И все они — создатели «Хамсы»,
Сокровищниц божественной красоты.

Принять в свой круг тебя они хотят
И для тебя явились в этот сад.

О муж! Хасан мне имя. А народ
Меня «Делийским» издревле зовет.^[169]

Ответ услыша, вновь я ощутил,
Волнение сердца, изнурение сил.

Но волею и духом овладел

И к славным, как на крыльях, полетел.

Тут мне Хасан назвал их имена,
Прекрасные, как вечная весна.

Сказал: «На величавых, как цари,
На трех главенствующих посмотри!

И первый тот, чьи помыслы чисты,
Сей старец несказанной красоты.

Ты предстоишь пред светлостью его —
Перед очами шейха твоего!^[170]

Направо — полководец войска слов,
Завоеватель стран — Эмир Хосров.

А слева старец — твой духовный пир, —
Он звал тебя на этот светлый пир.

Коль эти люди — плоть, наставник твой
Пусть назовется их живой душой.

А коль душа нетленная — они,
Его со светом Истины сравни!

Ты видишь круг пирующих вдали?
Иди к ним, поклонись им до земли!

Они — великие! Ты это знай,
Пред ними блеска речи не являй!»

Я, вняв совету, устремился к ним,
К своим предтечам, ангелам земным.

И, увидав меня за сто кары,
Они свои покинули ковры;

И встали, и навстречу мне пошли,
Как будто не касаясь земли.

С кем предстояла встреча впереди,
Я знал: то — Фирдоуси и Саади,

И вещей Санай, и Унсури,
И дивный Хагани, и Анвари.^[171]

Коль все о них подробно говорить,
Рассказ я не успею завершить.

Пересказать я также не смогу,
Как очутился вдруг я в их кругу.

Тут подошел к нам — Солнце трех веков —
Шейх Низами, и рядом с ним Хосров,

И знаний океан — наставник мой.
И все пошли блистающей тропой.

Шейх впереди, как путеводный свет;
И я несчастный поспешил вслед

и я, несчастный, поспешил вослед.

Великий пир, явив свою любовь,
Всем избранным меня представил вновь.

С ресниц ронял я капельки дождя,
Припав к деснице моего вождя.

Тут — подхватив меня — Хосров, Джами
Поставили пред ликом Низами.

Раба печали с двух сторон храня,
Два мира взяли за руки меня.

Владели мной растерянность и страх,
Но я два мира ощутил в руках!.. [\[172\]](#)

Я, пав пред шейхом на златой песок,
Припал к стопам благословенных ног.

И девяти небес бегущий свод
Завидовал слезам, что смертный льет.

Рукой участия я поднят был.
Познания свет стезю мне озарил.

Но, как река весенняя, светло
Все в том саду струилось и текло.

И в просьбе вновь склонился я пред ним —
Святым первоучителем моим.

Растаяли, как предрассветный мрак,
Сомнения, когда он подал знак.

Он сел и сесть мне рядом приказал.
А я опять пред ним на землю пал.

Но милостиво шейх, склонив свой взор,
Десницу, как опору, мне простер.

Спросил о состоянии моем,
И я в ответ склонился в прах лицом.

Он молвил: «Благодарен будь судьбе,
Хоть в мире нет спутника тебе!

Ты, волей неба, слова властелин,
В веках неповторимый и один.

Ты областью газелей овладел,
И блеск других газелей потускнел.

Ты мир стихом завоевал в тиши,
Не мир земной, а высший мир души.

Теперь своим и море маснави
Жемчугоносным морем назови.

Ты в царстве слова подвиг совершил,
Великий ложных сонмы сокрушил.

В моей «Хамсе» могучий твой исток,
И обо всем просить меня ты мог.

А есть в моем творенье стих такой:
«Тот, кто дерзнет соперничать со мной,

Падет бесславно! Голову ему
Мечом алмазным слова я сниму!»

И многие на то ристанье шли,
Но все на том ристанье погибли.

Когда ж Хосров о милости просил,
Сокровищницу я ему открыл.

Удел свой получили, — сам смотри,
После него несчастных два иль три.

А ты, когда на этот путь ступил,
Мысль о себе ты первый истребил.

Хоть ты — гора, ты — прах низин степных
Перед громадой замыслов твоих.

Слезамь просьб скрижаль души омой
И начертаньем верности покрой!

Премудрый пир, наставник твой Джами
Нашел опору в древнем Низами.

Он, взяв калам пречистою рукой,
Путь к Истине открыл перед тобой.

И по утрам за рукопись садясь,
Еще творцу миров не помолясь,

Обдумывая новый свой рассказ,
Ты помни с чувством искренним о нас,

Благословляя каждую зарю
Словами: «С вашей помощью творю!»

И знай — о чем бы нас ты ни просил —
Неисчерпаем ключ извечных сил!

Когда б тебе мы все не помогли,
«Хамсу» бы ты не создал, сын земли.

Как смог бы ты свой перл без нас добыть,
В два года «Пятерицу» завершить?

Те пять сокровищ, что тебе даны,
От ограбления ограждены,

Пять ожерелий, где в замке — алмаз,
Надежно скрыты от враждебных глаз.

Твой труд свершен. Но сам не знаешь ты
Сокровищ, что в душе скрываешь ты.

Ты с чистой просьбой к нам пришел, любя,
И люди тайны приняли тебя;^[173]

Те, что вязать и разрешать вольны,
С тобой отныне, в помощи сильны.

Мы ведаем, что совершенен шах,
Что для него блаженства мира — прах,

Султан Гази,^[174] чей нерушимый щит
На страже справедливости стоит,

На девяти высоких небесах
Благослови его святой аллах

За то, что в век его явился ты
И что на подвиг свой решился ты!

Ты совершил свой труд. Века пройдут,
Но дум твоих плоды не опадут».

Услышав шейха, я из праха встал,
Благоговейно, но без страха встал.

И руки древний шейх горé вознес
И так молитвословье произнес:

«Господь! Пока твой светлый мир цветет,
Пусть будет счастлив каждый в нем народ.

Да будет всем земля ковром усад,
Где радость, песни и плодовый сад!

Пусть на престоле мира сядет мир,
И люди все придут к нему на пир.

И в радости, в веселье заживут,
Пока не призовет их божий суд.

Пусть в мире справедливость и покой
Воздвигнут совершенные душой!»

Как книгу, шейх сложил ладони рук,
Умолк словам его вторивший круг.

Моление добрых слышно в небесах.
Молением добрых внемлет сам аллах.

И вновь о «Пятерице» я воззвал,
Страницу за страницей доставал,

И на землю слагал их, орося
Слезами, покровительства прося:

«Вот — порожденье сердца моего,
Росток, где новой речи торжество!

Великодушны были вы к нему,
К заветному творенью моему.

Пять книг моих... Перелистайте их
И благосклонно прочитайте их!

Пусть ваши руки их благословят,
Пусть наши внуки их усыновят!»

И поднял шейх творение мое,
Живое откровение мое;

И молвил пиру: «Милость изъяви,
Сокровищницу слов благослови!

Просящий этот — нам как младший сын,
Последний урожай моих долин.

Те, кто за ним пойдут тропею сей,
Нам будут сыновьями сыновей.

Благослови его — душой велик!
Он — верный твой мюрид и ученик».

Когда мой пир к молитве приступил,
Весь круг мужей ладони рук сложил.

Молитва та, звучавшая в тиши,
Была бальзамом для моей души.

Как кит, я выплыл к свету из пучин,
Когда они промолвили: «Омин!»

И тая, словно отблески зари,
Сказали мне: «Царя благодари».

При звуке этих слов очнулся я,
Как бы от обаянья забытья.

Увидел вновь отшельнический покой
И старца, увенчанного чалмой,

С лицом светлей небесного луча;
Тут снял он руку с моего плеча.

Я голову свою пред ним склонил,
Его стопы слезами оросил.

Меня коснувшись ласково рукой,
Участливо спросил он: «Что с тобой?»

Я отвечал ему: «О добрый друг!
Меня томит неведомый недуг!...»

И молвил он: «Был истинно велик
Прозренья твоего прекрасный миг.

Тот миг — тебя он спас, тебе помог!
Иди молись! Твоя защита — бог».

Припав к ногам духовного отца,
Я встал, покинул сень его дворца.

Я видел — цель достигнута моя,
Но пройдена долина бытия.

Свою «Хамсу» я завершить успел —
Но мир передо мною опустел...

Молюсь тому, кто вечен и велик,
Под чьей защитой цели я достиг,

Как будто у подножья трона сил, [\[175\]](#)
Склонясь, страницы эти положил.

На лоно счастья ныне удалюсь,
Устрою пир, на час развеселюсь.

* * *

Эй, кравчий! Чашу счастья поднеси,
Мой мозг усталый ливнем ороси!
Чтоб ожил я, испивши чашу ту,
Как степь в благоухающем цвету!
Последним бейтам, мой певец, внимли,
Печаль души напевом утоли!
О Навои, ты все свершил, что мог,
Твои наво тебе внушил твой бог. [\[176\]](#)
Не спи! В сиянье утренней зари
Дарующего свет благодари!

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Айван — открытая галерея, портик, терраса.

Алтаир — название звезды Альфа в созвездии Орла.

Ал-Хтой — так называлась часть территории Китая.

Альбурз — Альбурзский хребет, огибающий южный берег Каспийского моря и делящийся на горы Тальшские, Гилянские и Мазендеранские. Высшая его точка — погасший вулкан Демавенд (5500 м).

Анка (Симург) — легендарная птица, приносящая счастье.

Аргаван — куст, ствол и ветви которого весной покрываются красными цветами.

Армен — Армения.

Архар — горный козел.

Атабек — дядька при особе царского рода, воспитатель.

Ахриман — по представлению зороастризма, начало зла на земле и противник доброго божества Ормузда.

Аят — стихи Корана.

Байза — золотая пластина; здесь единица денежного счета.

Банг (Бендж) — наркотик из индийской конопли.

Барлас — род узбеков, к которому принадлежал Тимур (см.).

Батман — старинная мера веса, колеблющаяся в разных местах от 2,9 кг до 13,8 кг.

Бахрам — 1. Планета Марс; 2. Иранский шах (421—438 гг.).

Бендж — см. Банг.